

ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗМЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1724—1916 гг.

В. К. ЯЦУНСКИЙ

История населения является забытым участком в нашей исторической науке, чрезвычайно мало привлекающим внимание советских историков. За послевоенные годы, кроме А. Г. Рашина, опубликовавшего несколько статей в «Исторических записках»¹ и в «Вопросах географии», трудно назвать какого-либо исследователя, работающего в данной области. Это слабое внимание к истории населения является одним из проявлений недостаточной разработанности вопроса о развитии производительных сил, который, как известно, представляет собой узкое место нашей исторической науки.

Одна из статей А. Г. Рашина — «Сдвиги в территориальном размещении населения России в XIX и в начале XX в.», напечатанная в сборнике «Историческая география СССР», вышедшем под редакцией автора этих строк в 1950 г.², посвящена той же теме, что и данный очерк. Как указывает сам А. Г. Рашин, задачей его статьи было «наметить основные направления в динамике численности населения отдельных районов страны за 102 года, с 1811 по 1913 г., и связанных с ними изменений в размещении населения России»³. Для достижения этой цели он выразил в цифрах те сдвиги в размещении населения, которые произошли в России в 1811—1863 гг. и в 1863—1913 гг.

Границы отдельных губерний в течение 1811—1913 гг. подвергались изменениям. «Учет этих изменений, — пишет А. Г. Рашин, — является чрезвычайно кропотливой задачей, от которой мы в данной работе вынуждены отказаться»⁴. Он ведет исследование по укрупненным районам в составе нескольких губерний каждый. Это позволяет ему значительно смягчать ту неточность сопоставления численности населения по отдельным районам, которая получается от игнорирования изменений в границах губерний, но устранить ее, конечно, не может.

Основной причиной более быстрого роста населения южных и восточных окраин по сравнению с центральными районами А. Г. Рашин считает миграционные процессы. Но он указывает также, что на повышенный прирост населения в новороссийских, нижеволжских, восточных губерниях и в Сибири за рассматриваемый период оказал влияние, помимо миграционных процессов, также и более высокий в этих районах естественный прирост населения⁵. А. Г. Рашин не пытается выразить в цифрах роль каждой из этих причин.

Положительно оценивая статью А. Г. Рашина, я хочу продолжить его работу: расширить хронологические рамки темы, уточнить и углубить исследование. В качестве начальной даты подсчетов избран 1724 г. К этому году обычно принято относить данные первой ревизии, которая впервые дала хотя и не совсем полные, но все же сравнительно достоверные цифры численности населения, вполне сопоставимые с данными последующих ревизий. В качестве конечной даты избран 1916 г., когда при проведении

¹ «Динамика численности и процессы формирования городского населения России в XIX — начале XX в.», т. 34. «Грамотность и народное образование в России в XIX — начале XX в.», т. 37. «О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма», т. 46.

² «Вопросы географии», сб. XX, М., 1950. Эта статья вошла в недавно вышедшую из печати книгу А. Г. Рашина «Население России за 100 лет», М., 1956.

³ Там же, стр. 99.

⁴ Там же, сб. XX, стр. 103.

⁵ Там же, стр. 119.

сельскохозяйственной переписи были собраны сведения о численности не только сельскохозяйственного, но и других категорий населения. В целях уточнения результатов исследования при сопоставлении на различные даты численности населения по районам и входящим в них губерниям мною учитывались те изменения границ губернии, которые имели место в течение 1724—1916 гг. Основными пособиями при этом служили: «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» Ю. В. Готье, т. 1, М., 1913, «Статистические очерки России» К. И. Арсеньева, СПб., 1848 и «Население России по пятой ревизии» В. Э. Дэна, т. 1, М., 1902. Использован также труд И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства». «Академический атлас» 1745 г., «Атлас Российской империи» 1792 г., Полное собрание законов и некоторые дополнительные пособия по отдельным местностям⁶.

Я хочу также сделать попытку измерить роль в более быстром по сравнению с центром увеличении населения южных и восточных окраин двух названных выше причин — миграционных процессов, с одной стороны, и различий в уровне естественного прироста населения — с другой, а также сопоставить действие этих причин с социально-экономическими условиями каждого исторического периода.

Изменения в размещении населения Европейской России за 1724—1916 гг. прослеживаются по четырем историческим периодам — восемнадцатому столетию, дореформенному периоду, периоду монополистического капитализма и периоду империализма. Такая периодизация вызвана прежде всего особенностями каждого периода, а также состоянием источников. Рубежом между первым и вторым периодом удобно взять 1796 г., к которому можно отнести данные пятой ревизии.

Как по первой, так и по пятой ревизии мы располагаем лишь данными о населении мужского пола. Соотношение численности мужчин и женщин в России того времени можно считать близким 1 : 1, и, следовательно, данные о динамике мужского населения отражают динамику всего населения. Цифры о численности сельского податного населения по первой ревизии взяты из известного сочинения И. К. Кирилова, упомянутого выше. Эти данные сходятся с цифрами, опубликованными П. Н. Милоковым⁷, и представляют для работы то удобство, что И. К. Кирилов сообщает число ревизских душ не только по губерниям, но и по провинциям. Но у И. К. Кирилова отсутствуют данные о численности посадского населения. Они взяты из книги А. А. Кизветтера⁸.

В таблице И. К. Кирилова⁹ о численности ревизских душ в основу группировки положены не территориальные единицы, а полки, содержание которых было «расположено» на население соответствующих территориальных единиц. Поэтому в качестве слагаемых, из которых получаются его итоги по провинциям и губерниям, фигурируют нередко цифры числа душ, «принятых» из соседних территорий, чтобы возместить нехватку ревизских душ данной губернии или провинции для содержания «расположенных» на ее население полков. Например, итог 263 636 ревизских душ по Смоленской губернии включает, кроме душ, проживающих в этой губернии, также еще «во Ржеве, во Владимире» 27 903 души, «в Брянском» — 31 609 душ и «в Ярославле» — 6729 душ. Население Галицкой провинции Архангелогородской губернии показано двумя цифрами — 57 486 душ по этой губернии и 38 957 душ по Нижегородской губернии и т. д. Для определения численности населения по провинциям и губерниям приходится производить перегруппировку слагаемых в таблице И. К. Кирилова и полученные итоги, естественно, отличаются от итогов И. К. Кирилова по этим административным единицам.

Данные о численности населения по пятой ревизии извлечены из хранящейся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде окладной книги 1806 г.¹⁰ Хотя год, к которому относится книга, отстоит на 10 лет от 1796 г., сведения в ней содержащиеся, датируются временем окончания пятой ревизии, т. е. тем же 1796 г. Использование именно этой окладной книги представляет то удобство, что губернские границы 1806 г. отличаются от границ губерний последующего времени меньше, чем границы конца XVIII и первых лет XIX в. А это важно для сопоставления данных пятой ревизии с материалами о численности населения в XIX в.

Данные о численности населения по первой ревизии охватывают только население, положенное в подушный оклад. Поэтому при сопоставлении данных 1724 и

⁶ Из них в первую очередь следует назвать издание Оренбургского отдела Русского географического общества «Оренбургская губерния с прилегающими к ней местами по «ландкартам» Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова 1755 г., Оренбург, 1880, а также «Топографию Оренбургской губернии» П. И. Рычкова (есть два издания: СПб., 1767 и Оренбург, 1887). При установлении границ Оренбургской губернии во время производства второй ревизии я следую этим источникам, а не карте Ю. В. Готье.

⁷ «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», изд. 2, СПб., 1905, стр. 476.

⁸ См. А. А. Кизветтер. Посадская община России XVIII столетия, М., 1903, стр. 82—83. Данные о численности посадского населения, приводимые А. А. Кизветтером, имеют преимущества перед цифрами, опубликованными П. Н. Милоковым, так как являются более полными и даны не только по губерниям, но и по провинциям.

⁹ См. И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, М., 1831, ч. II, стр. 162—173.

¹⁰ ЦГИАЛ, фонд департамента разных податей и сборов № 571, оп. 9, д. 8.

1796 г. приходится по пятой ревизии, несмотря на то, что она учитывала также и население, не платившее подушной подати, тем не менее ограничиваться только податным населением¹¹. Первая ревизия не охватила Слободской Украины и Гетманщины, украинцев, живших в Азовской и Белгородской губерниях¹², башкир, мещеряков, а также население завоеванных областей, в том числе и население Ингрии, включая Петербург¹³. Это лишило возможности включить в сопоставление данные по входившим тогда в состав России частям Украины и Прибалтики. Пришлось также в целях сопоставимости цифр исключить из материалов пятой ревизии данные о башкирах, об украинском населении соседних с Слободской Украиной губерний, о мещеряках, а данные о населении Ингрии и Петербурга в 1724 г. взять из более поздних источников¹⁴.

Административное деление России во второй и третьей четверти XVIII в. менялось относительно мало. Учесть при изучении сдвигов в размещении населения эти изменения нетрудно. Поэтому сопоставление данных первых трех ревизий по губерниям и провинциям не представляет серьезных затруднений. Иное дело — сопоставление материалов первой и пятой ревизий. В последней четверти XVIII в. административная карта России подверглась коренной ломке. Сопоставить размещение населения Европейской России с 1724 по 1796 гг. можно лишь приблизительно по большим территориальным комплексам типа губерний первой четверти XVIII в., подобрав по картам и другим источникам уезды 1796 г., территории которых в совокупности соответствуют губерниям времени первой ревизии. Небольшая неточность при таком сопоставлении все же неизбежна, так как не во все петровские губернии уложится целое число уездов 1796 г. Иногда границы уездов 1796 г. оказываются перерезанными границами губерний 1724 г. В этих случаях приходилось или относить весь такой уезд к тому территориальному комплексу, в состав которого попадала большая его часть, или оперировать частями уезда, принимая условно плотность населения одинаковой на всем протяжении данного уезда¹⁵. Но таких случаев немного. Кроме того, по сравнению с большим территориальным комплексом типа петровских губерний площадь уезда 1796 г. — величина очень небольшая и, следовательно, неточность будет невелика.

При сопоставлении населения провинций 1724 г. с населением групп уездов 1796 г. неточность будет несколько больше, так как провинция по сравнению с губернией является территориальной единицей меньшего размера.

Такого рода сопоставление населенности территории петровских губерний в 1724 г. с населенностью их в 1858 и 1897 гг. было произведено еще в дореволюционной историографии П. Н. Милюковым¹⁶ и вслед за ним, по его материалам, Н. П. Огановским¹⁷.

Некоторые из губерний первой четверти XVIII в. объединяли разные в историческом и экономико-географическом отношении территории. Например, в состав Петербургской губернии входили Тверская, Ярославская, Углицкая и Пошехонская провинции, территория которых была частью исторической области Русского государства — Замосковского края, и составила впоследствии часть центрального промышленного района. В состав Архангелогородской губернии была введена Галицкая провинция, пространство которой относилось к тому же Замосковному краю.

Поэтому более целесообразно построить большие территориальные комплексы для сопоставления материалов первой и пятой ревизий не в рамках петровских губерний, а таким образом, чтобы эти комплексы, во-первых, лучше отражали экономическую географию России XVIII в. и, во-вторых, были бы, насколько это возможно, более сопоставимы, чем губернии 1724 г., с экономическим районированием Европейской России, принятым мною для последующих исторических периодов.

В силу этих соображений я разделил территорию Европейской России в 1724 и 1796 гг. на такие районы.

¹¹ При сопоставлении данных пятой ревизии в дальнейшем изложении с цифрами населения XIX в. я, конечно, беру по пятой ревизии все население.

¹² Полное Собрание Законов (ПСЗ), т. VI, № 4090; т. XI, № 8835; т. XVI, № 11773

¹³ ПСЗ, т. XI, № 8619 и 8835.

¹⁴ Использованы сведения, собранные при проведении второй ревизии, см. «Журнал министерства внутренних дел», 1839, № 7.

¹⁵ При определении частей уездов ввиду элементарности задачи и незначительности получающейся неточности я не пользовался методами современной картометрии. Об этих способах см. Н. М. Волков. Принципы и методы картометрии, М., 1950.

¹⁶ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. I, изд. 6, СПб., 1909, стр. 29—32. При определении того, какие уезды конца XIX в. соответствуют в своей совокупности петровским губерниям, Милюков почему-то берет петровские губернии в границах 1708 г. (например, в состав Смоленской губернии он относит шесть южных уездов Калужской губернии конца XIX в. и Зубцовский уезд Тверской губернии), в то время как опубликованные им самим цифры населения губерний, как показывает сравнение их с цифрами Кирилова, относятся к административному делению 1719—1726 гг.

¹⁷ Н. П. Огановский. Очерки по истории земельных отношений в России, ч. II, Саратов, 1911, стр. 224—226.

1. Север

В состав этого района на 1724 г. я отнес Архангелогородскую, Вологодскую, Устюжскую провинции Архангелогородской губернии и Олонецкий уезд Петербургской губернии. На 1796 г. в состав данного района входили Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии. При этом Каргопольский и Онежский уезды Архангельской губернии 1796 г., территория которых в 1724 г. не может быть выделена из состава Петербургской губернии 1724 г., пришлось отнести в состав Северо-западного района.

2. Северо-запад

В состав этого района вошли на 1724 г.: Великолуцкая, Псковская, Новгородская, Белозерская и Петербургская провинции Петербургской губернии; для 1796 г.: Петербургская, Новгородская, Псковская губернии, а также Вышневолоцкий уезд Тверской губернии, так как его нельзя выделить из состава Новгородской провинции 1724 г. и выше упомянутые Каргопольский и Онежский уезды Архангельской губернии.

3. Нечерноземный центр

В состав этого района я включил на 1724 г.: Московскую губернию без Тульской и Рязанской провинций, Ярославскую, Углицкую, Пошехонскую, Тверскую провинции Петербургской губернии, Галицкую провинцию Архангелогородской губернии, Нижегородскую и Арзамасскую провинции Нижегородской губернии; на 1796 г.: Московскую, Владимирскую, Костромскую, Ярославскую, Тверскую (без Вышневолоцкого уезда), Калужскую губернии и Одоевский уезд Тульской губернии, так как его нельзя на 1724 г. выделить из состава Калужской провинции. При подсчете численности населения этого района в 1796 г. пришлось также учесть изменения границ отдельных уездов, которые были произведены в связи с организацией наместничеств¹⁸.

4. Запад

На обе даты район состоит из одной Смоленской губернии. При этом из численности населения по пятой ревизии исключены данные о населении территории, присоединенной при образовании наместничеств к Смоленской губернии от Московской губернии и от Брянского уезда Белгородской губернии¹⁹.

5. Черноземный центр

В состав района включены на 1724 г.: Тульская и Рязанская провинции Московской губернии, составившие северную часть района. Белгородская губерния, представляющая собой его юго-западную часть, и Азовская²⁰ губерния, которая была в первой четверти XVIII в. юго-восточной частью этого района. Из численности населения Азовской губернии пришлось исключить данные по Бахмутской провинции, так как она лежала вне данного района. В этой провинции имелось в 1724 г. всего лишь 5103 души. Исключение цифр ее населения не может поэтому существенным образом отразиться на общих итогах.

По пятой ревизии в составе района учтены данные по Тульской губернии без Одоевского уезда, Рязанской, Орловской, Курской, Тамбовской, Воронежской (без Острогожского и Старобельского уездов, территория которых во время первой ревизии входила в состав Слободской Украины), а также по Пензенской губернии без четырех восточных уездов (Пензенского, Мокшанского, Городищенского и Саратовского) и по четырем западным уездам Саратовской губернии (Аткарскому, Балашовскому, Сердобскому и Петровскому).

Благодаря включению в состав района большей части Пензенской и значительной части Саратовской губернии, в данном периоде приходится рассматривать этот район в несколько более широких границах, чем обычно принято и чем те, в которых он рассматривается ниже, в обзоре изменений в размещении населения России в 1796—1916 гг.²¹ Но на 1724 г. исключить цифры по части будущих Пензенской и Саратовской губерний из данных по Азовской губернии нельзя.

При сопоставлении численности населения в 1724 и 1796 гг. по основным частям района (по провинциям) приходится в отдельных случаях делить уезды, о чем уже упоминалось выше.

6. Восток и юго-восток

В состав этого обширного района на 1724 г. я включил Казанскую и Астраханскую губернии, а также Алатырскую провинцию Нижегородской губернии.

На 1796 г. в состав района вошли губернии: Казанская, Симбирская, Астраханская, Оренбургская без Челябинского уезда, Саратовская без четырех западных уездов, четыре восточных уезда Пензенской, шесть южных уездов Вятской и два южных уезда европейской части Пермской губернии.

¹⁸ В. Э. Дэн, Население России по пятой ревизии, т. 1, М., 1902, стр. 333.

¹⁹ Там же.

²⁰ В 1725 г. она переименована в Воронежскую.

²¹ Население этих уездов Пензенской и Саратовской губерний в 1796 г. составляло около одной восьмой всего населения района Черноземного центра.

По времени заселения и по плотности населения — это наименее однородный район из всех. Но, к сожалению, состояние источников не позволяет так четко разделить его на основные части, как это можно сделать по отношению к черноземному центру.

7. Северо-восток

На 1724 г. в состав района включены Вятская и Соликамская провинции Сибирской губернии, их территория соответствует территории Вятского, Глазовского, Котельничского, Орловского и Слободского уездов Вятской губернии и Пермского, Чердынского, Соликамского, Оханского и Кунгурского уездов Пермской губернии во время пятой ревизии.

Изучение территории Тобольской, Енисейской и Иркутской провинций Сибирской губернии 1724 г., которая лежала уже в самой Сибири, находится вне рамок настоящей статьи²².

Сопоставление численности населения в 1724 и в 1796 г. той части Европейской России, которая была охвачена первой ревизией по указанным районам, сделано в таблице 1.

ТАБЛИЦА 1

Население Европейской России, обложенное подушной податью

Название районов	1724 г.	1796 г.	Увеличение		Среднегодовой рост в 1724—1796 гг. в %
	в тыс. душ		в тыс.	в %	
Север	313	438	125	39,9	0,46
Северо-запад	463	864	401	86,6	0,87
Нечерноземный центр	2230	2995	765	34,3	0,41
Запад	206	396	190	92,2	0,92
Черноземный центр	1349	3006	1657	122,8	1,12
Восток и юго-восток	723	1636	913	126,3	1,13
Северо-восток	209	417	208	99,5	0,96
Европейская Россия	5492	9752	4260	77,6	0,81

Как видно из таблицы, за весь период с 1724 по 1796 г. на той территории Европейской России, которая была охвачена первой ревизией, население ежегодно возрастало на 0,81%. Иммиграции из других стран в Россию не было. Уход населения из Европейской России в Сибирь выразался в XVIII в. очень небольшими цифрами по сравнению с общей численностью населения страны. Поэтому указанный прирост населения можно считать равным естественному приросту населения России в это время. Для XVIII в. этот размер естественного прироста следует признать высоким. В Западной Европе в это время естественный прирост населения составлял только 0,5% в год²³. Конечно, не следует считать, что возрастание населения в течение 1724—1796 гг. происходило равномерно. В период между первой и второй ревизией численность населения возрастала несколько медленнее, чем между второй и третьей, когда его прирост пошел быстрее. В период между третьей и четвертой ревизией темп роста населения снизился. Между четвертой и пятой ревизией он опять возрос и был примерно на том же уровне, как и между второй и третьей ревизией²⁴.

²² Часть территории Тобольской провинции 1724 г. во время производства пятой ревизии была в составе Пермской и Оренбургской губерний. Численность населения этой части в целях сопоставимости данных приходится не включать в подсчет на 1796 г. По материалам XVIII в. территория Европейской России оказывается более соответствующей географическому смыслу этого понятия, чем по материалам XIX в., согласно которым в состав Европейской России приходится включать Пермскую и Оренбургскую губернии с их зауральскими частями. По административному делению первой четверти XVIII в., при отнесении Вятской и Соликамской провинций Сибирской губернии к Европейской России граница между Европейской Россией и Сибирью проходит по Уральским горам. Данные пятой ревизии я беру в этих же границах, исключая цифры по зауральским уездам.

²³ Вычислено мной на основании подсчетов населения Европы в 1725 и в 1800 гг., приведенных в книге Б. Ц. Урлана и с. Рост населения в Европе (Опыт исчисления), М., 1941, стр. 414—415.

²⁴ Так получается на основании расчетов статистика начала XIX в. К. Ф. Германа, который подсчитал, пользуясь материалами ревизий, возрастание населения России на территории, входившей в состав государства при Петре I, и рост населения вследствие расширения государственной территории. См. Mémoires de l'Académie Impériale des

На территории, охваченной первой ревизией, в 1796 г. проживало 62% всего населения Европейской России. За неимением сведений, трудно сказать, каков был удельный вес населения этой территории в 1724 г. Вероятно, он был несколько ниже²⁵.

Как видно из таблицы 1, в первой четверти XVIII в. около 60% населения Европейской части Русского государства было сосредоточено в его старых, очень давно заселенных районах, лежавших в нечерноземной полосе (четыре первых района таблицы). При этом на центральную часть страны приходилось 40% населения. За 72 года численность населения увеличилась во всех названных в таблице районах, но увеличилась неодинаково. Наибольшее увеличение имело место в том районе, который впоследствии получил название Центрально-черноземного, а также в Среднем и Нижнем Поволжье. Эти районы стали местом русской колонизации еще в XVI—XVII вв. Но тогда заселение их еще не закончилось. В XVIII в. приток населения сюда продолжался.

Из давно освоенных первых четырех районов таблицы 1, в двух, северо-западном и западном, рост населения был довольно значительным. Он даже несколько превышал средний рост населения по Европейской России в целом. Притока населения сюда не было, если не считать роста населения Петербурга. Данные ревизий отражают только численность лиц городских сословий, проживавших в Петербурге и приписанных к этому городу для платежа подушной подати, но не указывают других категорий жителей столицы. По пятой ревизии таких лиц числилось только 11 777 человек²⁶, следовательно, рост населения Петербурга не мог существенным образом повлиять на численность населения северо-западного района, указанную в таблице 1. Отсюда следует, что численность населения северо-западного и западного (т. е. Смоленской губернии) районов могла увеличиваться только за счет естественного прироста.

Интересно отметить, что в первой половине XIX в. рост населения в этих районах происходил сильно замедленными темпами. В 1796—1851 гг. среднее годовое увеличение в северо-западном районе составляло 0,42% в год, а в Смоленской губернии всего 0,2%.

Районами, где население росло значительно более медленно, чем в целом по России, были север и в особенности центральная часть страны, где темп роста населения был почти вдвое меньше, чем в лежащих к югу от нее черноземных губерниях. Эти два района были территориями, откуда население уходило на юг и восток. Но медленный рост населения в этих районах нельзя объяснить только миграционными процессами. Как будет показано ниже, есть основания предполагать, что эти территории отличались также пониженным естественным приростом населения.

На северо-востоке население увеличилось в более значительной степени, чем на северо-западе и западе. В Вятскую и Соликамскую провинции имел место приток населения из соседнего северного района. Но, с другой стороны, население уходило отсюда в Сибирь и отчасти, по-видимому, на юг, в северную часть соседней Казанской провинции²⁷, а возможно, и далее на юго-восток. Оценить в цифрах эти миграционные процессы не представляется возможным. Но, по-видимому, эмиграция превышала иммиграцию. Во всяком случае, увеличение числа жителей этого района приходится всецело отнести за счет естественного прироста населения. Это следует из того, что средний годовой рост населения (0,96%) здесь был немногим выше среднего естественного прироста по Европейской России (0,81%), а естественный прирост в данном районе был выше, чем в среднем по стране. Увеличение количества жителей в губерниях Черноземного центра не было равномерным ни во времени, ни территориально. Состояние источников позволяет представить этот процесс в границах провинций начала XVIII в. по данным первой, второй, третьей и пятой ревизий²⁸. Как это уже было отмечено выше, при сопоставлении данных пятой ревизии с материалами первой, второй и третьей ревизий по провинциям степень точности меньше, чем при сопоставлении по губерниям. Но при всей приблизительности сравнения картина получается в достаточной степени показательная.

Sciences de St. Petersburg, Série V, t. III, СПб., 1811, стр. 432 и сл. Перепечатано в книге того же автора — «Статистические исследования относительно Российской Империи», СПб., 1819.

²⁵ Так заставляет думать отсутствие в XVIII в. на территории, присоединенной после 1724 г., тех значительных колонизационных процессов, какие имели место в XVIII в. в черноземной полосе России. О роли этих процессов в уровне естественного прироста населения см. ниже.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 571, оп. 9, д. 8.

²⁷ О миграционных движениях с севера на юг в пределах Вятской губернии в конце XVIII и в первой половине XIX в. после образования Вятского наместничества см. в статье Н. Н. Романова «Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие» в сб. «Столетие Вятской губернии 1780—1880», т. II, Вятка, 1881.

²⁸ По данным четвертой ревизии это можно сделать с такой же большой затратой труда, как и по данным пятой ревизии. Поэтому я воздержался от использования данных этой ревизии. Цифры по второй ревизии взяты из «Журнала министерства внутренних дел», 1839, № 7, по третьей ревизии — из указанного сочинения К. И. Арсеньева.

ТАБЛИЦА 2

Провинции	1724 г.	1747 г.	1764 г.	1796 г.	Увеличение с 1724 по 1796 гг.		Средний годовой рост в % за 1724— 1796 гг.
	в тыс. душ мужского пола				в тыс.	в %	
Тульская	174	160	174	263	89	51,1	0,57
Рязанская	165	177	178	219	54	32,7	0,40
Итого . . .	339	337	352	482	143	42,1	0,49
Севская	222	263	272	299	77	34,7	0,42
Орловская	144	151	202	281	137	95,1	0,93
Белгородская	160	207	243	398	238	148,8	1,24
Итого по Бел- городской губ. .	536	624	717	978	442	82,5	0,84
Шацкая	164	215	255	370	206	125,6	1,14
Елецкая	92	142	175	277	185	201,1	1,53
Тамбовская	158	232	273	592	434	274,7	1,85
Воронежская	64	86	113 ²⁹	307	243	379,7	2,61
Итого по Азов- ской губ. . . .	474	675	828	1546	1072	226,2	1,74
Всего по райо- ну	1349	1636	1887	3006	1657	122,8	1,12

Данные таблицы 2 показывают, что в северной части рассматриваемого района — в Тульской и Рязанской провинциях прирост населения был гораздо меньше среднего по России и лишь немногим больше, чем по Нечерноземному центру. Тульская и Рязанская провинции были давно заселенной территорией, откуда население перемещалось к югу. Можно ли низкий процент увеличения населения всецело отнести за счет эмиграции или же и естественный прирост населения был здесь пониженным — сказать трудно, так как материалов о естественном движении населения в XVIII в. мы не имеем³⁰.

В юго-западной части рассматриваемого района, входившей в течение большей части изучаемого периода в состав Белгородской губернии, население увеличивалось значительно медленнее, чем в его юго-восточной части (в Азовской губернии). Население увеличивалось здесь в среднем на 0,84% в год, т. е. в тех же размерах, что и по России в целом. При этом между отдельными провинциями была очень значительная разница. На северо-западе, в Севской провинции, население увеличивалось столь же медленно, как на севере рассматриваемого района или в Центральном нечерноземном районе. Территория Севской провинции, лежавшая почти полностью за засечной чертой XVI в., была издавна заселена. Население отсюда, несомненно, смещалось к югу. Возможно также, что естественный прирост здесь тоже был пониженным. Территория Орловской провинции стала заселяться во второй половине XVI в. Весьма вероятно, что население отсюда частично уже переходило к югу. С другой стороны, возможно, что имел место некоторый приток сюда населения из Севской и Тульской провинций. Во всяком случае, относить эту территорию к числу тех, заселение которых продолжалось в значительных размерах еще и в XVIII в., вряд ли возможно.

К числу таких территорий, несомненно, принадлежала расположенная южнее Белгородская провинция, где число жителей увеличивалось в среднем на 1,24% в год. Вполне возможно, что естественный прирост населения был здесь выше среднего по России (т. е. выше 0,81%). Но в то же время довольно значительный приток населения сюда несомненен. Если даже предположить, что естественный прирост здесь был не выше среднего по России, то и тогда в увеличении числа жителей данной провинции в XVIII в. роль естественного прироста населения была значительнее, чем роль иммигра-

²⁹ Евгений Болховитинов приводит для Воронежской провинции более высокую цифру — 154475 чел. («Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии...», Воронеж, 1800, стр. 18). Возможно, что в эту цифру включено украинское население провинции.

³⁰ О состоянии статистики движения населения в России в XVIII в. см. М. В. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР, т. 1, М., 1955, Очерк четвертый; Мою рецензию на эту книгу см. в журнале «Вопросы истории», 1956, № 12.

ции³¹. В целом в Белгородской губернии, очевидно, основную роль играли внутренние миграционные процессы — смещение населения к югу, а приток населения из Нечерноземного центра вряд ли был значительным.

В юго-восточной части Черноземного центра (в Азовской губернии начала XVIII в.), по данным первой ревизии, населения было меньше, чем в юго-западной его части. К концу столетия число жителей, на этой территории уже более чем в полтора раза превышало число их на территории бывшей Белгородской губернии. Процесс заселения юго-восточной части Черноземного центра в течение XVI—XVII вв. продвинулся вперед значительно меньше, чем освоение его юго-западной части. Цифры таблицы 2 наглядно показывают, что во всех провинциях Азовской губернии имел место приток населения со стороны. При этом чем южнее, тем средний годовой прирост населения был выше. В Шацкой провинции роль естественного прироста населения была основной причиной увеличения числа жителей, а иммиграция имела только подсобное значение. В Воронежской провинции, напротив, иммиграция, по-видимому, превышала естественный прирост населения, хотя отсутствие данных о размерах естественного прироста не позволяет утверждать это категорически.

Так можно утверждать лишь относительно периода 1764—1796 гг. В Елецкой и Тамбовской провинциях оба фактора роста населения, по-видимому, проявлялись с одинаковой или почти одинаковой силой. В целом по Азовской губернии естественный прирост, по всей вероятности, имел несколько большее значение для увеличения населения, чем иммиграция. Как будет показано ниже, колонизирующиеся территории обычно имеют повышенный естественный прирост населения. Если предположить, что естественный прирост населения здесь был примерно таким же, как на северо-востоке Европейской России в Вятской и Соликамской провинциях, то тогда на долю механического прироста останется значительно меньше половины общего увеличения населения губернии.

Таким образом, в целом по всему Черноземному центру основную роль в увеличении количества жителей играл в XVIII в. естественный прирост населения. Роль иммиграции была значительно меньше. Но, конечно, недооценивать ее роль не следует.

Население Казанской и Астраханской губерний в начале XVIII в. было сосредоточено в местностях, лежавших на правом берегу среднего течения Волги (в Симбирской, Пензенской, Алатырской провинции, в южной части Свяжской и в юго-западной части Казанской провинций) и к северу от нижнего течения Камы (на севере Свяжской и Казанской провинций). Эта территория, издревле населенная тюркскими и финскими народностями, в XVI—XVII вв., а частично и ранее, стала энергично заселяться русскими, составившими к началу XVIII в. большинство населения в ряде мест края. Первая ревизия охватила здесь как русское, так и нерусское население.

К югу от нижнего течения Камы на левом берегу Волги в начале XVIII в. русского населения было очень мало. Оно проживало под защитой закамской черты, главным образом к северу от р. Черемшан, левого притока Волги, впадавшего в нее несколько ниже Симбирска, расположенного на правом берегу Волги. Нерусское население Заволжья (основной народностью были башкиры) было сравнительно невелико и первая ревизия его не учла.

Русская колонизация Саратовского края в XVII в. шла с северо-запада³² и территория правого берега Волги южнее Самарской луки в начале XVIII в. имела еще очень мало русского населения. Астраханские калмыки подушной подати не платили. Их численность была невелика.

Данные первой ревизии в том виде, как они напечатаны И. К. Кириловым, не позволяют выразить в цифрах численность населения каждой из этих двух основных частей края — сравнительно заселенной и очень редко населенной. Можно только сопоставить численность населения всей территории района в 1724 и в 1796 г., что и сделано в таблице 1. Это сопоставление показывает, что количество жителей данного района, составлявшее в 1724 г. несколько более половины населения Черноземного центра, выросло к 1796 г. примерно в той же пропорции, что и население Черноземного центра (см. табл. 1). Кроме того, возможно сопоставление численности населения двух названных частей края по данным второй и пятой ревизий. Это позволяет учесть тот сдвиг в размещении населения края, который произошел во второй половине XVIII в. Но прежде остановимся на росте населения всего края в целом между первой и второй ревизией³³. По первой ревизии в нем проживало 723 тыс. жителей, по второй — 1 055 тыс. За 23 года (1724—1747) население увеличилось на 46%, т. е. возросло на 1,61% ежегодно. Численность населения черноземного юга увеличилась за это время только на 21% (абсолютные цифры см. в табл. 2). Этот большой рост населения приходится относить главным образом за счет увеличения числа жителей в основной, сравнительно заселенной части края, так как в Заволжье и в Нижнем Поволжье вторая ревизия учла еще очень небольшое число жителей.

³¹ При 1,24% среднегодового общего роста населения и 0,81% естественного прироста на долю иммиграции остается только 0,43%.

³² См. «Списки населенных мест Российской империи», сост. и изд. ЦСК МВД, Саратовская губерния, СПб., 1862, Введение, стр. XXX.

³³ Цифры населения по второй ревизии подсчитаны по данным, опубликованным в «Журнале министерства внутренних дел», 1839, № 7.

Со второй по пятую ревизию численность населения обеих частей края возросла в таких размерах (табл. 3).

ТАБЛИЦА 3

	Население в тысячах душ мужского пола		Увеличение		Средний годовой рост в 1747—1796 гг. в %
	1747 г.	1796 г.	в тыс.	в %	
Алатырская, Свияжская, Казанская, Пензенская и Симбирская (без Са- марского уезда) провинции	939	1196	257	27,4	0,51
Оренбургская (без Исетской провин- ции) и Астраханская губернии и Самарский уезд Симбирской провин- ции ³⁴	116	440	324	279,3	4,2
Всего	1055	1636	581	55,1	0,92

Таким образом, в 1724—1747 гг. население края ежегодно увеличивалось на 1,61%, а в 1747—1796 гг. ежегодно прирост был значительно меньше — всего 0,92%. Естественный прирост населения в крае вряд ли мог быть ниже общерусского (т. е. ниже 0,81% в среднем за 1724—1796 гг.). Скорее можно думать, что он был выше. Из этого вытекает, что во второй четверти XVIII в. приток в край населения был весьма значительным³⁵, а во второй половине века он очень сильно уменьшился, а, может быть, и вовсе прекратился. Но во второй половине XVIII в. в крае происходили значительные внутренние миграционные процессы. Началось заселение Нижнего Поволжья и Заволжья за счет притока населения из ранее освоенной части края. На это указывает резкая разница в среднегодовом увеличении населения между двумя частями края. Ежегодный прирост 4,2% в колонизирующейся части края превышал в несколько раз естественный прирост населения. Но прирост в 0,51% в его ранее населенной части был гораздо меньше естественного прироста, что указывает на уход отсюда населения. Заселение Правобережья Саратовского Поволжья продолжалось и в первой половине XIX в. Колонизация Заволжья и Оренбургского края продолжалась и в пореформенную эпоху.

Данные о размерах увеличения населения в колонизирующихся районах юга и востока позволяют обосновать высказанное выше предположение о пониженном естественном приросте населения в центре страны.

В колонизирующихся районах юга, востока и юго-востока естественный прирост населения не мог быть ниже среднего по России (0,81%). Вероятно, он был выше. Принимая условно минимальный размер этого прироста равным 0,9% в год, т. е. на уровне районов запада и северо-запада, и ниже, чем на северо-востоке, можно приблизительно прикинуть роль притока извне (а этот приток шел в основном из Нечерноземного центра) в увеличении числа жителей колонизирующихся районов. Этот приток может быть оценен в округленных цифрах в 700 тыс. душ мужского пола³⁶. Если отнести весь этот приток за счет эмиграции населения из Нечерноземного центра, то получим тогда для естественного прироста населения в Нечерноземном центре в 1724—1796 гг. величину в 0,7% в год³⁷, т. е. меньше среднего по России. Вероятно, фактически он был несколько

³⁴ В составе Оренбургской губернии учтено в 1747 г. и население Ставропольского уезда, составлявшее тогда всего 10 тыс. душ мужского пола, в Астраханской губернии числилось 63 тыс. душ, в том числе 58 тыс. в Саратовском уезде; в Самарском уезде Симбирской провинции — 4 тыс. душ. В 1796 г. на этой территории были расположены: Ставропольский и Самарский уезды Симбирской губернии, Оренбургская губерния без Челябинского и Троицкого уездов, Саратовский, Вольский, Камышинский, Хвалынский, Царицынский уезды, половина Петровского уезда Саратовской губернии и Астраханская губерния.

³⁵ В 1724—1747 гг. средний по Европейской России прирост населения был ниже, чем за 1724—1796 гг., и составлял 0,72% в год. Примерно таким же надо считать и средний естественный прирост. Был ли в это время пониженным естественный прирост также и в рассматриваемом крае — сказать трудно.

³⁶ При ежегодном естественном приросте 0,9% население колонизирующихся районов к 1796 г. при отсутствии иммиграции составило бы 3956 тыс. душ мужского пола. Вычитая эту цифру из фактической численности населения (см. табл. 1), получим около 700 тыс. в округленных цифрах.

³⁷ При допущении, что приток населения в колонизирующиеся районы полностью шел из нечерноземного центра, естественный прирост населения этого центра за 1724—1796 гг. должен был составить 765 тыс. (см. табл. 1) + 700 тыс., т. е. 1465 тыс. душ, а это дает 0,7% в год.

ко меньше этой гипотетической величины, так как естественный прирост населения в колонизирующихся районах, по всей вероятности, был выше 0,9% и, кроме того, какую-то (хотя и небольшую) часть иммигрантов в колонизирующиеся районы составили выходцы из других территорий, кроме Нечерноземного центра. Таким образом, есть основания для утверждения, что уровень естественного прироста населения в различных районах России в XVIII в. был неодинаков и что в наиболее заселенном Нечерноземном центре он был ниже среднего по стране.

Миграционные процессы и в какой-то мере различия в уровне естественного прироста населения (роль последних в XVIII в. состояние источников не позволяет выразить в цифрах) произвели в рассматриваемый период довольно значительные изменения в удельном весе отдельных районов в населении Европейской России. Численность населения колонизирующихся районов юга, востока и юго-востока в 1724 г. была меньше количества жителей нечерноземного центра и составляла 37,7% всего населения Европейской России. В 1796 г. она более чем в полтора раза превосходила численность населения Нечерноземного центра и составила уже 47,9%, т. е. почти половину общего количества жителей той части Европейской России, которая была охвачена первой ревизией. Удельный вес Нечерноземного центра упал с 40% до 31%.

* * *

При изучении изменений в размещении населения Европейской России в дореформенную эпоху начальным хронологическим моментом взят 1796 г., который является конечной датой предыдущего периода. Данные пятой ревизии охватили всю Европейскую Россию, за исключением Бессарабии, находившейся в конце XVIII в. еще в составе Турции. Это позволяет значительно расширить территориальные рамки исследования. Те группы населения (башкиры, украинцы), которые не были охвачены первой ревизией, были учтены пятой ревизией. Наконец, при производстве этой ревизии было учтено также и население, не положенное в подушный оклад. Благодаря этому историк располагает для дореформенной эпохи более полным учетом населения, чем для XVIII в. Поэтому цифры населения по пятой ревизии, приводимые ниже, обычно больше цифр населения по той же пятой ревизии, приведенных мною выше.

В окладной книге 1806 г. по Херсонской губернии отсутствуют сведения о числе душ, не положенных в оклад. Поэтому для этой губернии пришлось воспользоваться окладной книгой 1805 г., где эти сведения имеются. По области Войска Донского в окладной книге 1806 г. численность малолетних казаков явно резко преуменьшена. Пришлось внести поправку, исходя из соотношения между числом взрослых и малолетних казаков по ведомости 1851 г., опубликованной П. И. Кеппенем³⁸. В результате этой поправки численность мужского населения области Войска Донского в моей таблице показана 157,7 тыс. вместо 118,0 тыс. в окладной книге.

Данные по Виленской, Ковенской и Гродненской губерниям, составлявшим в 1796 г. одну Литовскую губернию, взяты из книги К. Ф. Германа «Статистические исследования относительно Российской империи», СПб., 1819.

Бессарабия в 1796 г. еще не входила в состав России. Поэтому пришлось, в целях сопоставимости, не вводить цифры по Бессарабии на последующие даты дореформенного периода.

По Астраханской губернии в окладной книге 1806 г. по калмыцкому населению указано не число душ, а число кибиток. Вследствие этого данные по Астраханской губернии в таблицу не введены.

Окладной книги по десятой ревизии 1858 г. нам не удалось найти в архиве. Опубликованные итоги 10 ревизий не дают численности населения по губерниям и уездам³⁹. Центральным статистическим комитетом было опубликовано два исчисления населения России по губерниям и уездам, цифры которых могут быть использованы для характеристики населения конца дореформенного периода. Более надежным из них является исчисление населения России по губерниям и уездам на 1863 г.⁴⁰ Это исчисление, в основе которого лежат полицейские данные, и использовано мною.

Исчисления Центрального статистического комитета по способу составления несколько отличаются от ревизий. Ревизии учитывали приписное население независимо от места его фактического жительства. Поэтому в городах ревизии не учитывали крестьян, которые были записаны каждый в своей деревне. В большинстве городов пришлое крестьянское население тогда было сравнительно немного, и почти все эти крестьяне были выходцами из той губернии, в какой был расположен город. Вследствие этого при определении численности населения отдельных губерний эта особенность ревизий существенного значения не имела. Исключением являлись столичные губернии. В Москве в 1811 г. крестьяне и дворовые, не приписанные к домам, составляли более половины общего количества жителей, и это были выходцы не только из Московской, но и из других губерний. Москва и Петербург были большими городами. Следовательно, численность населения Московской и Петербургской губерний ревизии показывали заметно меньшей, чем она была в действительности.

³⁸ П. И. Кеппен. Девятая ревизия, СПб., 1857, стр. 50—51.

³⁹ «Журнал министерства внутренних дел», 1860, № 5.

⁴⁰ «Статистический временник Российской империи», т. I, СПб., 1866.

Ревизии имели фискальную цель и некоторому (правда, небольшому) количеству податных душ удавалось не попасть в ревизские сказки. Не был достаточно полным и учет населения, не положенного в оклад. Поэтому данные ревизий показывают численность населения несколько меньше действительной. Этот недоучет трудно определить. Можно лишь утверждать, что он был сравнительно небольшим — порядка нескольких процентов.

Центральный статистический комитет стремился исчислить наличное население. Кроме того, его данные ближе к действительности. Это обстоятельство заставило меня, в целях большей сопоставимости данных конца XVIII в. и середины XIX в., помимо сведений Центрального статистического комитета за 1863 г., использовать также цифры девятой ревизии, относящиеся к 1851 г. и приведенные в работе П. И. Кеппена «Девятая ревизия». По Петербургской губернии для сопоставимости данных 1796 и 1863 гг., пришлось для 1796 г. дать две цифры: одну по окладной книге, а другую с приблизительным учетом пришлого населения столицы, записанного по пятой ревизии в других губерниях. В Петербург стекались на заработки крестьяне не только из Петербургской и Новгородской, но и из Тверской, Ярославской и других губерний. Поэтому без такой поправки не только по Петербургской губернии, но и по всему северо-западному району цифры 1796 и 1863 гг. несопоставимы. В Москву крестьяне приходили преимущественно из центральных промышленных губерний. Поправка по Московской губернии для 1796 г., аналогичная поправке для Петербургской, нужна лишь для сопоставления численности населения Московской губернии в 1796 и 1863 гг., но излишня для центрально-промышленного района в целом, так как в этом случае получается двойной счет.

В целях сравнимости погубернских данных о численности населения губернии в 1796, 1851 и 1863 гг. взяты в одних и тех же границах. Для этого пришлось Минскую губернию за все годы взять в составе тех уездов, которые в нее входили в 1796, Гродненскую в 1851 и 1863 гг. без Белостокского, Бельского и Сокольского уездов, как не входивших в состав России в 1796 г., но с Новоградским уездом, переданным в 1843 г. в состав Минской губернии, Виленскую 1851 и 1863 гг. — без Вилейского и Дисненского уездов, переданных в 1843 г. в эту губернию из Минской, Воронежскую и Харьковскую в 1796 г. взять в границах 1851 и 1863 гг. (в 1824 г. Старобельский уезд был передан из Воронежской в Харьковскую губернию), Таврическую в 1796 г. — без Тмутараканского уезда, не входившего в 1851 и 1863 гг. в ее состав.

Особенные трудности встретились при сопоставлении данных по Симбирской, Саратовской, Оренбургской губерниям (Уфимская губерния была выделена из нее только в 1865 г.) и образованной по указу 1850 г. из частей названных трех новой, Самарской губернии. Здесь можно проследить динамику населения только по объединенной территории, в которую в 1796 г. входили Оренбургская, Саратовская и два уезда Симбирской губернии, а на последующие даты Оренбургская, Саратовская, Самарская губернии и Царевский уезд Астраханской губернии (по указу 1850 г. он был передан в эту губернию из Саратовской).

При этом получается маленькая неточность. В Самарскую губернию вошли два уезда Симбирской губернии — Ставропольский и Самарский, причем границы Самарского уезда были изменены. От него была отрезана оставленная в составе Симбирской губернии небольшая территория, лежавшая на правом берегу Волги, а к нему была присоединена небольшая заволжская часть Сызранского уезда, расположенного в основном на правом берегу Волги и оставшегося в составе Симбирской губернии. Мы не имеем данных о численности населения на этих двух очень небольших территориях. Весьма вероятно, что количество жителей в них было неравным, и, следовательно, небольшая погрешность в ту или иную сторону в данном случае имеет место. Но лучше допустить ее, чем присоединять вместо двух заволжских уездов Симбирской губернии всю эту губернию. Это позволило бы сделать сопоставление вполне точным, но по времени заселения и по своему социально-экономическому облику правобережные уезды Симбирской губернии были сходны с соседней Пензенской губернией и не похожи на заволжские части Саратовской и Симбирской губерний, вошедших в Самарскую губернию.

Сопоставление по губерниям и их группам численности населения мужского пола в 1796, 1851 и 1863 гг. сделано в таблице 4. Для облегчения анализа этих материалов в таблицу включены также сведения о проценте крепостного населения по каждой губернии по данным десятой ревизии⁴¹, так как крепостное право оказывало, как известно, значительное влияние на движение населения. Рост населения каждой губернии определялся двумя основными факторами, — с одной стороны, переселением населения в данную губернию из других губерний или его выселением из нее, с другой стороны, уровнем естественного прироста. Оба эти факторы, в свою очередь, зависели от социально-экономических условий, в каких находилась в рассматриваемом периоде данная губерния.

Для дореформенного периода имеются сведения о рождаемости и смертности только жителей православного вероисповедания. Так как в большинстве губерний Европейской России православное население составляло подавляющее большинство, то это затрудняло изучение естественного прироста населения только для некоторых гу-

⁴¹ Цифры взяты из книги А. Тройницкого «Крепостное население в России по десятой народной переписи», СПб., 1861.

Изменения в размещении населения Европейской России в 1796—1863 гг.

Губернии	Население в тысячах душ мужского пола		Увеличение с 1796 по 1851 г.		Население в тысячах душ мужского пола в 1863 г.	Увеличение с 1796 по 1863 г.		% крепостных по десятой ревизии
	1796 г.	1851 г.	в тыс.	в %		в тыс.	в %	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Архангельская	90,1	113,0	22,9	25,4	137,0	46,9	52,1	—
Вологодская	291,4	417,6	126,2	43,3	466,0	177,6	60,9	22,9
Олонецкая	98,6	127,7	29,1	29,5	141,2	42,6	43,2	4,0
По району	480,1	658,3	178,2	37,1	744,2	264,1	55,0	—
Петербургская ¹	194,2	285,0	90,8	46,8	—	—	—	24,0
Петербургская ²	301,2	—	—	—	652,2	351,2	117,0	—
Новгородская	311,6	429,2	117,6	37,7	494,7	183,1	58,8	43,1
Псковская	312,3	313,9	1,6	0,5	351,8	39,5	12,6	53,8
По району ¹	818,1	1028,1	210,0	25,7	—	—	—	—
По району ²	925,1	—	—	—	1498,7	573,6	62,0	—
Московская ³	476,2	643,0	166,8	35,0	—	—	—	28,8
Московская ⁴	559,2	—	—	—	801,6	242,4	43,3	—
Тверская	494,3	654,5	160,2	32,4	727,0	232,7	47,1	50,6
Ярославская	382,3	432,1	49,8	13,0	443,5	61,2	16,0	57,1
Костромская	404,3	479,3	75,0	18,6	500,0	95,7	23,7	57,4
Владимирская	457,8	548,6	90,8	19,8	585,3	127,5	27,9	57,9
Калужская	382,1	466,6	84,5	22,1	469,7	87,6	22,9	61,8
Нижегородская	421,7	544,4	122,7	29,1	616,3	194,6	46,1	59,0
По району	3018,7	3768,5	749,8	24,8	4143,4	1124,7	37,3	—
Эсляндская	106,8	141,2	34,4	32,2	153,5	46,7	43,7	—
Лифляндская	269,7	385,2	115,5	42,8	446,8	177,1	65,7	—
Курляндская	198,2	260,1	61,9	30,8	272,3	74,1	37,4	—
По району	574,7	786,5	211,8	36,9	872,6	297,9	51,8	—
Смоленская	463,9	533,4	69,5	15,0	554,5	90,6	19,5	69,1
Витебская	354,8	363,1	8,3	2,3	383,3	28,5	8,0	57,1
Могилевская	382,4	412,5	30,1	7,9	451,1	68,7	18,0	64,7
Минская	435,4	480,2	44,9	10,3	546,0	110,7	25,4	60,7
Гродненская	—	347,4	—	—	381,8	—	—	41,0
Виленская	796,6	304,8	280,0	35,1	333,9	437,2	54,9	46,0
Ковенская	—	424,4	—	—	518,1	—	—	36,9
По району	2433,0	2865,8	432,8	17,8	3168,7	735,7	30,2	—
Вятская	463,4	879,9	416,5	89,9	1049,0	585,6	126,4	2,6
Пермская	451,4	882,8	431,4	95,6	1015,5	564,1	125,0	32,2
По району	914,8	1762,7	847,9	92,7	2064,5	1149,7	125,7	—
Тульская	447,7	546,8	99,1	22,1	573,3	125,6	28,1	68,9
Рязанская	447,3	660,3	213,0	47,6	702,8	255,7	57,2	56,5
Орловская	497,7	699,5	201,8	40,5	755,1	257,4	51,7	47,3
Тамбовская	511,0	831,4	320,4	62,7	986,7	475,7	93,1	39,9
Курская	587,9	834,5	246,6	41,9	907,7	319,8	54,4	40,0
Воронежская	453,7	809,5	355,8	78,4	948,0	494,3	108,9	26,9
По району	2945,3	4382,0	1436,7	48,8	4873,6	1928,3	65,5	—

ТАБЛИЦА 4 (продолжение)

Губернии	Население в тысячах душ мужского пола		Увеличение с 1796 по 1851 г.		Население в тысячах душ мужского пола в 1863 г.	Увеличение с 1796 по 1863 г.		% крепостных по десятой ревизии
	1796 г.	1851 г.	в тыс.	в %		в тыс.	в %	
1	2	3	4	5	3	7	8	9
Казанская	413,7	658,9	245,2	59,3	787,2	373,5	90,3	13,9
Пензенская	346,0	523,8	177,8	51,3	577,8	231,8	57,0	46,3
Симбирская без 2 уездов	330,8	511,9	181,1	54,7	574,6	243,8	73,7	38,8
По району	1 090,5	1 694,6	604,1	55,4	1 939,6	849,1	77,9	—
Черниговская	516,6	674,6	158,0	30,6	728,4	211,8	41,0	37,6
Полтавская	660,2	812,5	152,3	23,1	938,0	277,8	42,1	37,5
Харьковская	468,0	678,1	210,1	44,9	792,0	324,0	69,2	29,8
По району	1 644,8	2 165,2	520,4	31,6	2 458,4	813,6	49,5	—
Киевская	588,8	806,1	217,3	36,9	1008,1	419,3	71,2	57,7
Подольская	580,4	782,5	202,1	34,8	942,9	362,5	62,5	59,5
Волынская	568,4	729,3	160,9	28,3	811,9	243,5	42,8	56,5
По району	1 737,6	2 317,9	580,3	33,4	2 762,9	1 025,3	59,0	—
Оренбургская	379,6	851,0	—	—	921,0	—	—	11,8
2 уезда Симбирской	87,9	—	—	—	—	—	—	—
Саратовская	378,7	714,2	—	—	841,6	—	—	40,2
Самарская	—	650,4	—	—	829,4	—	—	15,3
Царевский уезд	—	37,7	—	—	54,4	—	—	—
По району	846,2	2 253,3	1 407,1	166,3	2 646,4	1 800,2	212,7	—
Херсонская	178,2	456,1	277,9	155,9	694,8	516,6	289,9	31,3
Таврическая	127,9	327,1	199,2	155,7	320,2	192,3	150,3	6,0
Екатеринославская	238,4	466,0	227,6	95,5	607,8	369,4	154,9	31,5
Область Войска Донского	157,7	384,0	226,3	143,5	472,2	314,5	199,4	31,9
По району	702,2	1 633,2	931,0	132,6	2 095,0	1 392,8	198,3	—

Примечания. 1. По Петербургской губернии взяты цифры ревизии. 2. По Петербургской губернии внесена поправка на пришлое население Петербурга. 3. По Московской губернии взяты цифры ревизии. 4. По Московской губернии внесена поправка на пришлое население Москвы. В итог по району поправка не внесена.

берний. Гораздо более крупным недостатком является недоучет смертности. Еще до реформенные статистики установили, что при сопоставлении дореформенных данных рождаемости и смертности получается оптимистическая картина естественного прироста, далеко не соответствующая действительности⁴². Но имеющиеся данные могут быть использованы для сопоставления уровня естественного прироста населения в различных районах. Это сопоставление имеет приблизительный характер, так как нельзя утверждать, что отклонение от действительности имеющихся данных о смертности было совершенно одинаковым во всех губерниях.

Рождения и смерти регистрировались духовенством. Поэтому данные публиковались по епархиям, а не по губерниям. Границы епархий в большинстве случаев совпадали с границами губернии, но иногда и не совпадали. За десятилетие 1838—1847 гг. данные о количестве родившихся и умерших были систематизированы

⁴² Я. А. Соловьев. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855, стр. 87—89.

А. П. Заблочким. По этим данным на 100 умерших приходилось родившихся в среднем по епархиям ⁴³:

Севера	134
Северо-запада	112
Центрально-промышленного района	120
Запада	124
Северо-Востока	137
Центрально-земледельческого района	133
Левобережной Украины	129
Правобережной Украины	136
Среднего Поволжья	131
Нижнего Поволжья и Южного Предуралья	149
<hr/>	
В том числе по Оренбургской епархии	170
По епархиям Новороссии	164

В старой демографической литературе была сделана попытка исчислить естественный прирост православного населения в 1844—1860 гг. по епархиям ⁴⁴. Если вывести из этих цифр порайонные средние, то получится такая таблица ⁴⁵ среднего годового естественного прироста (в %).

Север	0,96
Северо-запад	0,38
Центральный промышленный район	0,76
Запад	0,70
Северо-восток	1,50
Центральный земледельческий район	1,33
Левобережная Украина	1,0
Правобережная Украина	0,99
Среднее Поволжье	1,24
Нижнее Поволжье и Южное Предуралье	1,74
Новороссия	1,56

Эти цифры естественного прироста значительно выше действительности. Если, пользуясь погубернскими цифрами населения по девятой ревизии и данными о естественном приросте за годы между девятой и десятой ревизией, вычислить численность населения Европейской России на 1859 г. по губерниям и в целом, то получатся величины, значительно больше тех, которые дали исчисление Центрального статистического комитета на эту дату, составленное на основании материалов десятой ревизии и полицейских данных.

Но эти данные, как и приведенные выше цифры за 1838—1847 гг., дают картину тех различий, которые существовали тогда в уровне естественного прироста населения. На уровень естественного прироста по епархиям Новороссии оказала в 1844—1860 гг. резко понижающее влияние эпидемия холеры 1847—1848 гг., особенно сильно поразившая именно этот район. В десятилетие 1851—1860 гг. средний годовой естественный прирост по Новороссии составлял по этим же данным 2,0%, по Нижнему Поволжью и Южному Предуралью — 1,77%.

Теперь обратимся к анализу таблицы 4 вместе с только что приведенными материалами о районных различиях в уровне естественного прироста населения.

Сопоставляя данные о численности населения по губерниям и районам в 1796, 1851 и 1863 гг., нетрудно видеть, что в 1851—1863 гг. рост населения почти во всех районах заметно ускорился по сравнению с 1796—1851 гг. В этом легко убедиться, если вычислить при помощи логарифмов по алгебраической формуле сложных процентов для обоих периодов средний годовой процент увеличения населения. Например, в Центральном черноземном районе население в 1790—1851 гг. ежегодно возрастало на 0,73%, а в 1851—1863 гг. — на 0,89%, в Северо-восточном районе соответ-

⁴³ «Сборник статистических сведений о России», изд. Географическим обществом, кн. 1, СПб., 1851. Отношения числа родившихся к числу умерших вычислены мною. Районы взяты соответственно таблице 4.

⁴⁴ Г. И. Архангельский. Влияние неурожая на браки, рождаемость и смертность Европейской России. «Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике, издаваемый медицинским департаментом», т. 1, СПб., 1872.

⁴⁵ Средние по районам выведены мною из погубернских цифр Г. И. Архангельского. Средние взяты невзвешенные. Взвешенные средние отличались бы в данном случае от невзвешенных в очень небольшой степени.

ственно на 1,2 и на 1,33%, в Новороссии — на 1,54 и на 2,11%, по Европейской России в целом (без Бессарабии и Астраханской губернии, данные по которым не вошли в таблицу 4) на 0,7% в 1796—1851 гг. и на 1,2% в 1851—1863 гг. Это ускорение возрастания численности населения, по-видимому, объясняется отсутствием (несмотря на Крымскую войну и холерную эпидемию 1853 г.) во втором периоде таких опустошительных эпидемий и неурожаев, какие имели место в первой половине века, особенно в начале 30-х и в конце 40-х гг. Но весьма вероятно, что, кроме того, здесь сказались также большая точность данных за 1863 г. по сравнению с материалами ревизий. Таким образом, это сопоставление является лишним аргументом в пользу необходимости привлечения к рассмотрению материалов девятой ревизии.

Темпы роста населения в 1796—1851 гг. по Европейской России в целом были примерно на том же уровне, что и в XVIII в. На территории, охваченной первой ревизией, в 1724—1796 гг. население в среднем увеличивалось на 0,81% в год, в 1796—1851 гг. — на 0,77%. По Нечерноземному центру ежегодный прирост составлял в 1724—1796 гг. — 0,41%, в 1796—1851 гг. — 0,40%, по Черноземному центру, который из района иммиграции превратился в район эмиграции, соответственно — 1,2% и 0,73%. По сравнению с последующей эпохой пореформенного капитализма темпы роста населения в первой половине XIX в. как по стране в целом, так и по большинству районов (за исключением лишь колонизирующихся территорий) нельзя не признать медленными.

ТАБЛИЦА 5

Районы	Средний годовой рост населения в %	
	1796—1851 гг.	1867—1897 гг.
Север	0,57	0,97
Северо-запад	0,42	1,61
Центральный промышленный	0,40	0,74
Прибалтика	0,57	0,77
Запад ⁴⁶	0,31	1,69
Северо-восток	1,20	1,01
Центральный земледельческий	0,73	0,81
Левобережная Украина	0,50	1,27
Правобережная Украина	0,53	1,78
Среднее Поволжье	0,81	0,84
Нижнее Поволжье и Южное Предуралье ⁴⁷	1,80	1,63
Новороссия	1,54	2,40
Европейская Россия без Бессарабии и Астраханской губернии	0,70	1,31

Сравнивая между собой увеличение населения по районам, можно констатировать резкое различие в этом отношении между отдельными районами как по данным 1796—1851 гг., так и при сравнении цифр 1796 и 1863 гг. Наиболее низким ростом населения отличались в дореформенную эпоху центрально-промышленные, белорусско-литовские и северо-западные губернии. Из центральных промышленных губерний особенно медленно увеличивалась численность населения в Ярославской и Костромской губерниях.

Для объяснения большего роста населения в Литве и Западной Белоруссии по сравнению с Восточной Белоруссией я не располагаю необходимым материалом. Возможно, что число душ по пятой ревизии в Литве и Западной Белоруссии преуменьшено, так как эта территория только что была присоединена к России и утайка душ при ревизии была здесь легче достижима для населения, чем на старых территориях.

Миграции населения в Западном районе были незначительны. В Центрально-промышленном и Северо-западном районах миграции имели в основном внутрирайонный характер или из губернии Центрально-промышленного района крестьяне шли на заработки в Петербург. Миграция из Центрально-промышленного и Северо-западного районов в губернии других районов была очень невелика. Следовательно, в центрально-промышленных, северо-западных и литовско-белорусских губерниях медленный рост количества жителей надо всецело объяснять слабым естественным приростом населения, что и подтверждается данными таблиц. На севере и в Прибалтике численность населения в дореформенном периоде увеличилась лишь немногим больше, чем в

⁴⁶ В Западный район в 1796—1851 гг. Гродненская губерния включена без трех западных уездов, в 1867—1897 гг. включена полностью. На сопоставимость данных это существенным образом повлиять не может.

⁴⁷ В данной таблице 5 в целях сопоставимости Саратовская губерния рассматривается в составе Нижнего Поволжья и Южного Предуралья как в 1796—1851 гг., так и в 1867—1897 гг. Ниже в таблице 6 Саратовская губерния в 1867—1897 гг. отнесена к Среднему Поволжью.

Центрально-промышленном, Северо-западном и Белорусско-Литовском районах. В Прибалтике миграций населения не было. Из губерний севера уход был невелик. Небольшое увеличение количества жителей в этих районах, очевидно, приходится тоже объяснять небольшим естественным приростом населения.

В противоположность рассмотренным районам в северо-восточных губерниях — Вятской и Пермской — численность населения в дореформенный период увеличилась весьма значительно. В Пермскую губернию некоторые уральские заводчики (например, Н. Н. Демидов) переводили в этом периоде крестьян из внутренних губерний. Но большого развития это явление в то время не имело.

Крупных миграций ни в эти губернии, ни из них в дореформенное время не было, хотя некоторый уход населения из Вятской губернии имел место. Очевидно, значительное увеличение количества жителей в этих губерниях (на 1,2% ежегодно) приходится всецело объяснять высоким для того времени естественным приростом населения. Приведенные выше данные (см. стр. 205) это подтверждают.

Районы черноземной полосы с точки зрения миграций населения можно разделить на две группы. Центральный земледельческий район, Среднее Поволжье, а также Левобережная и Правобережная Украина были территориями эмиграции населения. Новороссия и Нижнее Поволжье с южным Предуральем были местностями довольно интенсивной иммиграции, несмотря на то, что крепостное право тормозило передвижение населения.

Естественно, что в районах эмиграции рост численности населения был значительно меньше, чем в колонизирующихся районах. Но он был там все же больше, чем в рассмотренных выше районах, за исключением северо-восточного.

Наименьшим ростом населения из них характеризовались Левобережная и Правобережная Украина. Но там население выросло все же больше, чем в белорусско-литовских, центрально-промышленных и северо-западных губерниях, несмотря на довольно значительный уход населения в Новороссию. В Центрально-земледельческом районе численность населения в 1796—1851 гг. увеличилась почти в полтора раза (в Центрально-промышленном — только на одну четверть), несмотря на довольно заметную эмиграцию населения на юг и частично на юго-восток. Интересны большие различия между отдельными губерниями этого района. В Тульской губернии население увеличилось примерно в тех же размерах, как и в центрально-промышленном районе. В Воронежской губернии прирост населения в 1796—1851 гг. был выше по сравнению с Тульской губернией в три с половиной раза (см. табл. 4). Остальные губернии Земледельческого центра занимали промежуточное положение между названными двумя.

В Среднем Поволжье, откуда население уходило в Нижнее Поволжье и в Южное Предуралье, количество жителей выросло несколько больше, чем в Центрально-земледельческом районе (см. табл. 4).

В Новороссии, а также в Нижнем Поволжье и Южном Предуралье численность населения увеличилась в дореформенный период в гораздо большей степени, чем во всех остальных районах Европейской России (см. табл. 4). Эти два района не только были колонизируемыми территориями, куда население переселялось из других районов (преимущественно из соседних, но отчасти и из более отдаленных), но и естественный прирост населения здесь был самый высокий в Европейской России (см. стр. 205).

В силу тех дефектов дореформенной статистики рождаемости и смертности, о которых уже было сказано выше, а также отсутствия статистических данных о миграциях населения нет возможности выразить в цифрах роль каждого из этих двух факторов. Но можно попытаться приблизительно оценить роль как первого, так и второго.

В Новороссии (включая Донскую область) в 1796—1851 гг. ежегодный прирост населения (естественный и механический вместе) составлял (в среднем по краю) за весь период 1,54%. Более высоким он был в Херсонской и Таврической, наименьшим — в Екатеринославской губернии. Донская область занимала промежуточное положение. В северо-восточных губерниях, где население росло в основном за счет естественного прироста, оно увеличивалось в среднем на 1,2% в год. В Среднем Поволжье, откуда имел место уход населения в Нижнее Поволжье и в Южное Предуралье, тем не менее средний годовой прирост населения составлял 0,81%, следовательно, естественный прирост был там выше этой цифры.

Исходя из указаний источников о том, что естественный прирост населения в Новороссии был выше, чем в названных районах, можно предположить, что этот прирост был там не менее 1% в год⁴⁸. Вероятно, он был выше. Но если естественный прирост здесь давал в среднем не менее 1%⁴⁹, а естественный и механический прирост вместе давали 1,54%, то, очевидно, население Новороссии больше возрастало в 1796—1851 гг. за счет естественного, чем механического прироста. Но такого рода вывод справедлив только по отношению ко всей территории края, взятой в целом. Однако в нем можно указать часть, где в данном периоде иммиграция играла ведущую роль. Таким районом была материковая часть Таврической губернии. Здесь с 1796 по

⁴⁸ Правда, в Херсонской губернии было очень много военных поселенцев. Но даже учитывая это, нельзя не признать, что социальные условия в Новороссии были более благоприятными.

⁴⁹ Во время холерной эпидемии в конце 40-х годов в Новороссии смертность значительно превышала рождаемость.

1851 г. численность населения увеличилась с 39,2 тыс. душ мужского пола до 156,3 тыс., т. е. в четыре раза. Это дает 2,5% прироста ежегодно. Население полуостровной части губернии (т. е. Крыма) за эти годы увеличилось только с 67,3 тыс. душ мужского пола до 122,2 тыс., т. е. менее чем вдвое.

Как известно, заселение Новороссии украинцами и русскими с участием также и колонистов, вызванных правительством из-за границы, широко развернулось во второй половине XVIII в. В середине XVIII в. украинского и русского населения в украинской части Новороссии насчитывалось лишь несколько десятков тысяч человек⁵⁰. В 1796 г. население Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний составляло около миллиона душ обоего пола⁵¹. Конечно, иммиграция была во второй половине XVIII в. основной причиной роста населения края.

В 1796—1851 гг. темп роста населения края был неравномерным. В первое двадцатилетие этого периода он был значительно больше, чем в последующие 35 лет. Между пятой и седьмой ревизиями количество жителей возрастало ежегодно приблизительно на 2,4%. Возможно, что иммиграция превышала естественный прирост. Но может быть имело место и обратное соотношение. Эпидемия холеры в это время не было. Между седьмой и девятой ревизией рост населения замедлился. Несмотря на опустошительные холерные эпидемии начала 30-х, а в особенности конца 40-х годов и неурожай, естественный прирост, по-видимому, в это время был больше, чем приток жителей из других районов России⁵². В целом за весь период 1796—1851 гг. естественный прирост дал больше, чем иммиграция.

По Нижнему Поволжью и Южному Предуралью механический и естественный прирост населения вместе за весь период составлял 1,8% в год. Очевидно, и здесь естественный прирост превышал иммиграцию. Что этот прирост был здесь высоким, можно видеть также по данным о динамике численности башкирского населения Оренбургской губернии, которое возрастало на 1,4% ежегодно⁵³ и численность которого увеличивалась только путем естественного прироста.

Население увеличивалось неравномерно по всей территории края. В правобережной части Саратовской губернии оно увеличивалось значительно медленнее, чем в ее заволжской части, где оно возрастало очень быстро. Указ от 18 декабря 1835 г. мотивирует быстрым ростом населения образование в заволжской части этой губернии трех новых уездов. По-видимому, в этом районе иммиграция была основной причиной увеличения населения. В Оренбургской губернии, взятой в границах 1796 г., население увеличивалось такими темпами: в 1796—1816 гг.— ежегодно на 2,8%, в 1816—1834 гг.— на 1,9% и в 1834—1851 гг.— на 2,0%. Очевидно, в этой губернии в первое двадцатилетие иммиграция давала не менее, а возможно, и более половины общего прироста населения. В последующее время основным источником роста населения было уже превышение рождаемости над смертностью.

Таким образом, в двух колонизовавшихся районах — в Новороссии и Нижнем Поволжье с Южным Предуральем увеличение населения, резко превышавшее его рост во всех остальных районах, было вызвано совокупным действием как иммиграции, так и повышенного по сравнению с остальной Россией естественного прироста населения, причем роль этой последней причины в рассматриваемом периоде, взятом в целом, была более значительной, чем роль иммиграции.

* * *

Для периода домонополичестического капитализма состояние источников по статистике населения значительно лучше, чем для дореформенного времени. Начиная с 1867 г. имеются уже удовлетворительные данные о рождаемости и смертности, охватывающие все население. 28 января 1897 г. была произведена перепись населения, которая дала не только точные цифры о численности и размещении населения, но и сведения о распределении населения по месту рождения. Эти сведения позволяют учесть,

⁵⁰ Такого порядка цифры имеются в историко-статистической литературе. Вероятно, они преуменьшены. Но это не колеблет утверждения о весьма значительном притоке населения в Новороссию во второй половине XVIII в.

⁵¹ Прикидка сделана на основании данных таблицы 4 о численности мужского населения этих губерний. Можно думать, что женщины, как это обычно бывает в колонизирующихся местностях, было несколько меньше, чем мужчин.

⁵² Для воссоздания правильной картины динамики населения России по районам необходимо использование хранящихся в ЦГИАЛ окладных книг по каждой ревизии, а не только сведений на начальную и конечную даты. В окладных книгах по каждому уезду указана не только численность душ мужского пола как податного, так и не обложенного подушной податью населения, но и разбивка этого населения по социальным группам. Автором этих строк ведется работа по подготовке к изданию этого источника по истории населения. Если это начинание окажется возможным осуществить, историки получат интересный материал, на основании которого можно изучать динамику не только численности, но и социального состава населения.

⁵³ Процент вычислен по данным В. М. Черемшанского «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении», Уфа, 1859, стр. 113 и сл.

сколько в каждой губернии на день переписи оказалось уроженцев других губерний и сколько уроженцев каждой губернии оказалось вне данной губернии. Сопоставляя эти сведения, можно составить баланс миграций. Он является положительным для тех губерний, иммиграция в которые превышала эмиграцию из них и отрицательным для тех губерний, где вселение было меньше выселения.

Для характеристики размещения населения на начало периода монополистического капитализма удобнее вместо использованного выше исчисления населения на 1863 г. взять исчисление на 1867 г., произведенное также Центральным статистическим комитетом. Это позволит сопоставить общее увеличение населения по губерниям и районам в 1867—1897 гг. с данными о его естественном приросте за то же время.

Для периода 1867—1897 гг. источники позволяют привлечь к рассмотрению также и данные о динамике численности населения Предкавказья. Для предыдущего периода в связи с состоянием источников сделать это не представляется возможным без специального исследования по истории первоначального заселения края⁵⁴.

Изменения в административном делении в 1867—1897 гг. были незначительны, а в тех случаях, когда они были, есть возможность сопоставлять данные о численности населения в одних и тех же губернских границах на 1867 г. и на 1897 г. Для этого приходится данные по Екатеринославской губернии (Ростовский уезд в 1887 г. был передан из нее в Донскую область) и по Донской области брать на обе даты в границах 1897 г., а данные по Черноморской губернии, выделенной из Кубанской области в 1896 г., объединить на 1897 г. вместе с цифрами по этой области. Лишь по Бессарабии полной сопоставимости получить нельзя. Территория Бессарабии в 1897 г. была больше, чем в 1867 г., так как в 1878 г. была возвращена России часть Бессарабии, потерянная после Крымской войны. Поэтому по Бессарабии сопоставление цифр 1867 и 1897 гг. дает несколько преувеличенное представление о росте ее населения. Но и здесь есть возможность внести приблизительную поправку. В 1856 г. на отошедшей от России юго-западной части Бессарабии проживало 127 тыс. человек⁵⁵. С добавлением на естественный прирост население этой территории должно было составить в 1867 г. не более 150 тыс. человек. При этом допущении к концу 1867 г. население Бессарабии в границах 1897 г. составляло в округленных цифрах 1200 тыс. человек, и, следовательно, за 1868—1896 гг. численность населения Бессарабии увеличилась не на 84%, как это показано в помещенной ниже таблице, а на 61%.

Погубернские данные о численности населения за 1867 и 1897 гг., итоги миграционных процессов к 1897 г. и размеры естественного прироста населения по Европейской России за этот период показаны в таблице 6⁵⁶.

Как и в таблице 4, в таблице 6 погубернские данные расположены по географическим районам. В распределении губерний по районам пришлось сделать одно отступление от их распределения в таблице 4. Данные по Саратовской губернии объединены вместе с данными по Казанской, Пензенской и Симбирской губерниям, а не с Самарской и Оренбургской, как и в таблице 4, так как Саратовская губерния в тех границах, какие она в эти годы имела, была сходна по характеру миграций населения с тремя первыми губерниями (см. баланс миграций в табл. 6).

Данные о миграциях показывают лишь, сколько человек из переселившихся в данную губернию из других губерний до 28 января 1897 г. было в живых на эту дату. В это число, следовательно, попали не только те лица, которые переселились с 1867 по 1897 г., но и те, которые переселились ранее 1867 г. и дожили до 1897 г. Многие из переселившихся в период с 1867 по 1897 г. умерли до 28 января 1897 г. и, кроме того, дети, родившиеся у иммигрантов на их новом месте жительства, регистрировались переписью уже как местные уроженцы. Нетрудно видеть из этого, что роль миграции в увеличении населения в губерниях с положительным балансом миграций и в уменьшении населения в губерниях с отрицательным балансом, очевидно, была несколько больше, чем показывают цифры таблицы. Последующие расчеты позволяют показать это на конкретных примерах. Но относительное значение для выявления тех мест, откуда население уходило, и тех мест, куда оно приходило, и для сравнения размеров миграций эти данные, конечно, имеют. Они показывают, что районами иммиграции, и притом иммиграции весьма значительной по размерам, было Предкавказье, Новороссия, Заволжье и Южное Предуралье, а также обе столичные губернии. Все остальные губернии были районами эмиграции. Особенно значительной была эмиграция

⁵⁴ Монографию на эту тему подготовляет А. В. Фадеев.

⁵⁵ Л. С. Берг. Бессарабия, Пг., 1918, стр. 79.

⁵⁶ Данные о численности населения в 1867 г. взяты из «Статистического вестника Российской Империи», серия II, вып. 1, СПб., 1871, о численности населения в 1897 г. — из «Общего свода по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года», т. I, СПб., 1905. Оттуда же заимствованы данные о численности проживавших в каждой губернии уроженцев других губерний и численности уроженцев каждой губернии, проживавших вне ее. Абсолютные и относительные цифры прироста населения за 29 лет и баланс миграций вычислены мною (за 29, а не за 30 лет, так как Центральный статистический комитет исчислял население на конец 1867 г.).

Средний годовой процент естественного прироста населения вычислен мною по публикациям Центрального статистического комитета о движении населения и по отчетам Медицинского департамента Министерства внутренних дел.

*Изменения в размещении населения Европейской России и Предкавказья
в 1867—1897 гг.*

Губернии	Население в тысячах		Увеличение		28 января 1897 г.		Баланс миграций	Средний годово-й естествен-ный прирост в % за 1868—1896 гг.
	к концу 1867 г.	28 января 1897 г.	в ты-сячах	в %	учтено в тысячах			
					в данной губернии и других губ.	уроженцев данной губернии вне ее		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Архангельская	275,8	346,5	70,7	25,6	12,6	32,0	— 19,4	1,15
Вологодская	974,6	1 341,2	366,6	37,6	32,5	82,6	— 50,1	1,25
Олонекская	302,5	364,2	61,7	20,4	16,0	28,6	— 12,6	0,9
По району	1 552,9	2 051,9	499,0	32,1	61,1	143,2	— 82,1	—
Петербургская	1 160,9	2 112,0	951,1	81,9	931,1	121,8	+809,3	0,12
Новгородская	1 016,4	1 367,0	350,6	35,6	81,1	129,0	— 47,9	0,99
Псковская	717,8	1 122,3	404,5	56,3	52,8	94,1	— 41,3	1,32
По району	2 895,1	4 601,3	1 706,2	58,9	1 065,0	344,9	+720,1	—
Московская	1 678,8	2 430,6	751,8	44,8	678,9	177,4	+501,5	0,45
Тверская	1 521,6	1 769,1	247,5	16,3	47,1	289,1	—242,0	1,17
Ярославская	999,4	1 071,4	72,0	7,2	85,6	181,3	— 95,7	0,66
Костромская	1 101,1	1 387,0	285,9	26,0	39,1	130,3	— 91,2	1,04
Владимирская	1 239,1	1 515,7	276,6	22,3	88,0	192,0	—104,0	0,96
Калужская	984,3	1 132,8	148,5	15,1	47,1	274,4	—227,3	1,06
Нижегородская	1 262,9	1 584,8	321,9	25,5	79,1	133,1	— 54,0	1,09
По району	8 787,2	10 891,4	2 104,2	23,9	1 064,9	1 377,6	—312,7	—
Эстляндская	322,7	412,7	90,0	27,9	35,8	48,5	— 12,7	0,76
Лифляндская	990,8	1 299,4	308,6	31,1	141,3	146,8	— 5,5	0,88
Курляндская	597,3	674,0	76,7	12,8	62,6	142,2	— 79,6	0,88
По району	1 910,8	2 386,1	475,3	24,9	239,7	337,5	— 97,8	—
Смоленская	1 163,6	1 525,3	361,7	31,1	69,7	180,2	—110,5	1,29
Витебская	838,0	1 489,2	651,2	77,7	113,3	144,8	— 31,5	1,71
Могилевская	908,9	1 686,8	777,9	85,6	71,2	142,3	— 71,1	2,03
Минская	1 135,6	2 147,6	1 012,0	89,2	103,9	137,2	— 33,3	1,88
Гродненская	958,9	1 603,4	644,5	67,1	110,1	120,8	— 10,7	1,37
Виленская	973,6	1 591,2	617,6	63,4	94,8	140,5	— 45,7	1,57
Ковенская	1 131,2	1 544,6	413,4	36,5	89,1	163,0	— 73,9	1,06
По району	7 109,8	11 588,1	4 478,3	63,0	652,1	1 028,8	—376,7	—
Вятская	2 347,8	3 030,8	683,0	29,1	49,1	292,4	—243,3	1,28
Пермская	2 173,5	2 994,3	820,8	37,8	147,4	189,3	— 41,9	1,17
По району	4 521,3	6 025,1	1 503,8	33,3	196,5	481,7	—285,2	—
Тульская	1 154,3	1 419,5	265,2	23,0	55,3	260,8	—205,5	1,12
Рязанская	1 438,3	1 802,2	363,9	25,3	53,1	344,9	—291,8	1,40
Орловская	1 578,0	2 033,8	455,8	28,9	88,6	299,6	—211,0	1,30
Тамбовская	2 055,8	2 684,0	628,2	30,6	71,1	328,6	—257,5	1,36
Курская	1 866,9	2 371,0	504,1	27,0	58,8	408,2	—349,4	1,37
Воронежская	2 069,0	2 531,3	462,3	22,3	78,7	421,1	—342,4	1,29
По району	10 162,3	12 841,8	2 679,5	26,4	405,6	2 063,2	—1657,6	—
Казанская	1 670,3	2 170,7	500,4	30,0	64,1	237,7	—173,6	1,17
Пензенская	1 197,4	1 470,5	273,1	22,8	33,8	219,5	—185,7	1,24

ТАБЛИЦА 6 (продолжение)

Губернии	Население в тысячах		Увеличение		28 января 1897 г.		Баланс миграции	Средний годово-й естествен-ный прирост в % за 1886—1896 гг.
	к концу 1867 г.	28 янв. 1897 г.	в ты-сячах	в %	учтено в тысячах			
					в данной губернии	уроженцев данной губернии вне ее		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Симбирская	1 192,5	1 527,8	335,3	28,1	40,8	171,6	—130,8	1,21
Саратовская	1 725,5	2 405,8	680,3	39,4	142,2	219,8	— 77,6	1,27
По району	5 785,7	7 574,8	1 789,1	30,9	280,9	848,6	—567,7	—
Черниговская	1 560,4	2 297,9	737,5	47,3	65,6	299,2	—233,6	1,51
Полтавская	2 002,1	2 778,2	776,1	38,8	94,7	443,1	—348,4	1,56
Харьковская	1 681,5	2 492,3	810,8	48,2	160,7	308,6	—147,9	1,59
По району	5 244,0	7 568,4	2 324,4	44,3	321,0	1 050,9	—729,9	—
Киевская	2 144,3	3 559,2	1 414,9	66,0	229,4	274,4	— 45,0	1,63
Подольская	1 946,8	3 018,3	1 071,5	55,0	117,7	199,0	— 81,3	1,55
Волынская	1 643,3	2 989,5	1 346,2	81,9	201,3	142,1	+ 59,2	1,72
По району	5 734,4	9 567,0	3 832,6	66,8	548,4	615,5	— 67,1	—
Самарская	1 743,4	2 751,3	1 007,9	57,1	243,7	235,6	+ 8,1	1,54
Уфимская	1 297,6	2 196,6	899,0	69,3	178,8	107,9	+ 70,9	1,63
Оренбургская	840,7	1 600,1	759,4	90,3	261,7	84,1	+177,6	1,70
Астраханская	547,0	1 003,5	425,5	74,1	120,2	65,5	+ 54,7	—
По району	4 455,7	7 551,5	3 095,8	69,5	804,4	493,1	+311,3	—
Бессарабская	1 052,0	1 935,4	883,4	84,0	111,6	81,1	+ 30,5	1,55
Херсонская	1 498,0	2 733,6	1 235,6	82,5	390,8	149,8	+241,0	1,74
Таврическая	658,5	1 447,8	789,3	119,9	238,2	122,1	+116,1	2,02
Екатеринослав-ская	1 084,5	2 113,7	1 029,2	94,7	319,9	183,8	+136,1	2,03
Обл. Войска Донского	1 207,1	2 564,2	1 357,1	112,4	430,7	137,4	+293,3	2,13
По району	5 500,1	10 794,7	5 294,6	96,3	1 491,2	674,2	+817,0	—
Кубанская обл.	600,0	1 976,4	1 376,4	229,4	655,7	55,5	+600,2	1,86
Ставропольская	341,4	873,3	531,9	155,8	202,2	46,7	+155,5	1,83
Терская обл.	447,3	933,9	486,6	108,7	117,9	28,3	+ 89,6	0,94
По району	1 388,7	3 783,6	2 394,9	172,4	975,8	130,5	+845,3	—

Примечания. 1. По Астраханской губернии нет достоверных данных о рождаемости и смертности калмыцкого населения. Поэтому естественный прирост по этой губернии не указан. 2. По Предкавказью данные о естественном приросте населения приведены за 1886—1896 гг., так как за более ранние годы цифры отсутствуют.

из Центрально-черноземного района. Из этого района население шло, с одной стороны, на юг, с другой стороны, в центрально-промышленные губернии, главным образом в Москву. Из губерний Центрально-промышленного района население уходило преимущественно в обе столицы, отчасти в другие губернии этого же района.

Большие размеры имела эмиграция из Левобережной Украины, откуда население шло в Новороссию и в Предкавказье и из средневожских губерний, выходцы из которых направлялись преимущественно в Заволжье и Южное Предуралье. Весьма значителен был уход населения из Вятской губернии.

Хотя состояние источников не дает возможности выразить в цифрах размеры миграций дореформенного времени, тем не менее вряд ли можно сомневаться, что миграции пореформенной эпохи были значительно большими, чем прежде.

Миграционные процессы, как указывал В. И. Ленин^{56а}, играли видную роль в формировании кадров промышленных и сельскохозяйственных рабочих капиталистической России, в формировании городского населения, в освоении природных ресурсов страны, в ее хозяйственном развитии вообще.

Естественный прирост населения был низок в Петербургской и Московской губерниях, что было следствием чрезвычайно низкого естественного прироста населения столиц⁵⁷.

В остальных губерниях естественный прирост населения был различным. Наиболее низким он был в губерниях нечерноземной полосы, за исключением Белоруссии, где он был высоким. В той же Белоруссии в дореформенное время естественный прирост был наиболее низким в Европейской России. Это наглядно показывает, что уровень естественного прироста всецело объясняется историческими условиями. В черноземной полосе естественный прирост был наиболее низким в средневолжских и центрально-черноземных губерниях. Но он был там все же выше, чем в большинстве губерний нечерноземной полосы.

В Левобережной, а в особенности в Правобережной Украине, естественный прирост был высоким. В дореформенное время здесь естественный прирост населения был невысок. Наибольшей высотой отличался естественный прирост населения в губерниях и областях колонизирующихся районов — Новороссии, Предкавказья, Южного Предуралья. Благодаря неравномерности в уровне естественного прироста и вследствие миграций населения численности населения увеличилась в 1867—1897 гг. подобно тому, как это было и в дореформенной России в различных районах неравномерно. Но неравномерность эта была меньше, чем раньше.

В распределении губерний Европейской России по размерам увеличения населения в пореформенную эпоху по сравнению с дореформенной имеется ряд сходных черт. Но есть и довольно существенные различия.

Как и раньше наименьшим было увеличение населения в нечерноземной полосе, в особенности в главном из ее районов — в нечерноземном центре. Но в Белорусско-литовском районе количество жителей резко возросло, а в Вятской и Пермской губерниях увеличение населения было сравнительно умеренным.

В черноземной полосе в наибольшей степени, как и раньше, увеличилось население колонизовавшихся районов. Но очень сильно, хотя и в несколько меньшей степени, возросло население Правобережной Украины, где в дореформенный период рост населения был ниже, чем не только в центральных черноземных губерниях, но даже чем на Севере и в Прибалтике.

Каково было влияние уровня естественного прироста и миграций на порайонную динамику населения? Состояние источников позволяет определить, конечно приблизительно, роль каждого из этих двух факторов. Начнем с Новороссии. Так как границы Бессарабии за изучаемый период времени изменились, и в то же время приток населения со стороны сюда был невелик, удобнее будет данные по этой губернии не вводить в расчет. Исходя из среднего годового естественного прироста населения по каждой из входящих в район губерний, нетрудно, используя известную алгебраическую формулу сложных процентов, при помощи таблицы логарифмов вычислить, какой численности достигло бы население каждой из этих губерний к началу 1897 г., если бы миграционные процессы совсем не имели места. Сопоставляя полученные путем этого исчисления величины с фактическим увеличением населения, можно определить также и прирост населения, вызванный притоком иммигрантов из других губерний (включая сюда и потомство этих лиц). Результаты исчисления можно выразить следующей таблицей.

ТАБЛИЦА 7

Губернии	Увеличение населения с 1867 по 1897 г. (в тыс.)	В том числе увеличение, вызванное	
		естественным приростом (в тыс.)	притоком извне (в тыс.)
Херсонская	1 235,6	972,1	263,5
Таврическая	789,3	517,9	271,4
Екатеринославская	1 029,2	859,5	170,7
Область Войска Донского	1 367,1	1 017,9	339,2
Итого . . .	4 411,2	3 366,4	1 044,8

Население степной Украины и Донской области за изучаемый период удвоилось (увеличилось на 99,2%). Но иммиграция дала лишь около четверти этого увеличения. Основной причиной быстрого роста населения был сильно повышенный

^{56а} См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, гл. VIII.

⁵⁷ В Москве до 70-х годов смертность превышала рождаемость. Начиная с 70-х годов рождаемость в Москве стала превышать смертность, но естественный прирост был незначительным. См. «История Москвы», т. IV, стр. 229, 230.

по сравнению с внутренними губерниями естественный прирост населения. Интересно прикинуть, каково было бы увеличение населения этой территории путем естественного прироста, если бы здесь был тот же самый естественный прирост, что и в центральных промышленных губерниях. По этим нормам⁵⁸ естественный прирост составил бы не 3336,4 тыс., как это было фактически, а всего лишь 1483 тыс., т. е. одно превышение естественного прироста в крае над его нормами в Центральном промышленном районе составило большую величину, чем приток населения извне.

Для анализа увеличения населения Заволжья и Южного Предуралья приходится не принимать в расчет материалов по Астраханской губернии вследствие отсутствия по этой губернии достоверных данных о естественном приросте населения. По остальным губерниям результаты исчисления сходны с полученными для Новороссии.

ТАБЛИЦА 8

Губернии	Увеличение населения с 1867 по 1897 г. (в тыс.)	В том числе увеличение, вызванное	
		естественным приростом (в тыс.)	притоком извне (в тыс.)
Самарская	1 007,9	972,8	35,1
Уфимская	899,0	805,3	93,7
Оренбургская	759,4	529,9	229,5
Итого . . .	2 666,3	2 308,0	358,3

Роль естественного прироста в увеличении населения этого района еще больше, чем для Новороссии. Если бы в этом районе был тот же естественный прирост, что и в центральных губерниях, то он составил бы всего 1294 тыс. человек.

На территории Предкавказья в пореформенный период приток населения извне был чрезвычайно велик. Баланс миграций в таблице 8 это наглядно показывает. При этом исключительно велик был приток населения в Кубанскую область. Естественный прирост населения в Кубанской области и в Ставропольской губернии был выше, чем в Заволжье, но ниже, чем в Новороссии. В Терской области, где русские составляли лишь треть ее населения, естественный прирост населения равнялся всего 0,94% в год, очевидно, вследствие низкого естественного прироста населения у местных народностей.

ТАБЛИЦА 9

Название губерний и областей	Увеличение населения с 1867 по 1897 г. (в тыс.)	В том числе увеличение, вызванное	
		естествен. приростом (в тыс.)	притоком извне (в тыс.)
Кубанская	1 376,4	430,0	946,4
Ставропольская	531,9	237,2	294,7
Терская	486,6	140,9	345,7
Итого . . .	2 394,9	808,1	1 586,8

Предкавказье в дореформенную эпоху было заселено еще очень слабо. Изучаемое время было для этого края основным периодом его хозяйственного освоения. Несмотря на повышенный естественный прирост, колонизация была для Предкавказья пореформенной эпохи основной причиной роста населения.

Для обеих столичных губерний иммиграция была основным источником увеличения численности населения. Сопоставление цифр общего увеличения населения с балансом миграций неопровержимо доказывает это.

Для всех остальных губерний, — а в них, за исключением Волынской губернии⁵⁹, баланс миграций был отрицательным, — увеличение количества жителей было следствием естественного прироста населения, причем эмиграция в другие районы страны снижала это увеличение в тех местах, где она была развита довольно значительно.

⁵⁸ Нормы естественного прироста по центральным промышленным губерниям см. в таблице 8. Для исчисления я пользовался неизменной средней величиной.

⁵⁹ Но активное сальдо баланса миграций в Волынской губернии было невелико. На анализе данных по этой губернии не будем останавливаться.

Так, например, в Центрально-черноземном районе эмиграция снизила возрастание населения приблизительно на $\frac{2}{5}$ той величины, которую мог бы дать естественный прирост при отсутствии ухода населения в другие районы.

* * *

Для эпохи империализма имеются вполне удовлетворительные данные о естественном движении населения, имеются точные данные о численности населения на начальную дату, если принять за таковую перепись 1897 г., но отсутствуют точные данные о численности населения на конечную дату периода. Как известно, исчисления численности населения, которые публиковал для этого времени Центральный статистический комитет, страдали довольно значительными преувеличениями.

Кроме того, имеется и другое обстоятельство, побуждающее меня воздержаться от использования данных Центрального статистического комитета. Дело в том, что я пытаюсь определить роль естественного прироста в увеличении населения отдельных районов, а Центральный статистический комитет клал в основу своих исчислений погубернской динамики численности населения именно данные о естественном приросте, лишь внося поправки (и притом недостаточные) на перемещение населения из одних районов в другие.

По обоим этим мотивам в данном случае приходится заменять исчисления Центрального статистического комитета исчислениями, опирающимися на материал сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Я использую поправки на недоучет населения переписью 1916 г., предложенные Е. З. Волковым⁶⁰.

К цифрам переписи 1916 г. я прибавляю, по данным переписи 1917 г., численность призванных в армию. Это дает небольшое преувеличение, так как за год число призванных увеличилось (а за 1916 г. нет данных о распределении мобилизованных по губерниям). Но с другой стороны остаются не учтенными призванные из городского населения, что приблизительно компенсирует отмеченное преувеличение. Из полученной суммы я по каждой губернии вычитаю численность беженцев⁶¹.

Точной цифры численности населения таким путем получить нельзя. Но все же цифры, полученные при помощи такого исчисления, можно считать более близкими к действительности, чем цифры Центрального статистического комитета.

Эти цифры показывают примерную величину численности населения каждой губернии на середину 1916 г. с включением отсутствующих солдат (в том числе погибших на войне) и с вычетом беженцев. Так как естественный прирост населения в годы войны падал, то эти цифры превышают численность реального населения на начало войны на значительно меньшую величину, чем нормальный двухгодичный прирост населения.

В сопоставлении с исчислениями Центрального статистического комитета используемые мною цифры представлены в табл. 12⁶².

ТАБЛИЦА 10

Название района	Численность населения		
	По данным ЦСК		По используемым мною цифрам на середину 1916 г.
	на 1/1 1914 г.	на 1/1 1916 г.	
в тысячах человек			
Центральный промышленный район	14 676,0	15 366,4	14 335,7
Центральный черноземный район	17 839,6	18 327,3	17 026,2
Заволжье и южное Предуралье	9 070,8	9 489,9	9 485,6
Новороссия	13 135,4	13 684,8	12 930,9
Предкавказье	5 727,4	6 024,8	5 837,4

Для учета направления и размеров миграций для данного периода имеются лишь цифры численности переселенцев, которые отражают только сельскохозяйственную миграцию населения, да и то не полностью. Но и эти данные все же показательны.

⁶⁰ Е. З. Волков. Динамика народонаселения СССР за 80 лет, М., 1930.

⁶¹ «Отчет о деятельности особого отдела комитета вел. кн. Татианы Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г.», Пг., 1916. Данные о численности беженцев на 20 декабря 1915 г. С.-х. перепись была летом 1916 г.

⁶² В целях экономии места я ограничиваюсь сопоставлением порайонных цифр и не привожу данных по губерниям.

Границы губерний в Европейской России на 1897—1916 гг. не менялись⁶³, что, конечно, облегчает сопоставление цифр 1897 и 1916 гг.

На территории России, оккупированной неприятелем, сельскохозяйственные переписи 1916—1917 гг. не были произведены. Благодаря этому невозможно определить динамику численности населения по всем районам Европейской России. Но для анализа тех закономерностей, изучение которых является задачей данной статьи, можно в данном случае ограничиться сопоставлением цифр по окраинным и центральным губерниям. Это сопоставление сделано в таблице 11.

ТАБЛИЦА 11

Губернии	Население		Увеличение		Переселилось за Урал (в тыс.)	Средний годовой естеств. прирост за 1897—1913 гг.
	на 28/1 1897 г. (в тыс.)	на середину 1916 г. (в тыс.)	в тыс.	в %		
Московская	2 430,6	3 631,8	1 201,2	49,4	0,5	1,22
Тверская	1 769,1	2 152,0	382,9	21,7	4,3	1,26
Ярославская	1 071,4	1 358,0	286,6	26,8	—	0,99
Костромская	1 387,0	1 827,7	440,7	31,8	11,0	1,43
Владимирская	1 515,7	2 021,4	505,7	33,4	1,2	1,32
Калужская	1 132,8	1 341,5	208,7	18,4	25,5	1,39
Нижегородская	1 584,8	2 003,3	418,5	26,4	10,5	1,41
По району . .	10 891,4	14 335,7	3 444,3	31,6	53,0	—
Тульская	1 419,5	1 855,0	435,5	30,7	37,8	1,51
Рязанская	1 802,2	2 363,4	561,2	31,1	49,9	1,71
Орловская	2 033,8	2 619,2	585,4	28,8	153,5	1,62
Тамбовская	2 681,0	3 606,2	922,3	34,4	159,5	1,83
Курская	2 371,0	2 974,3	603,3	25,4	232,9	1,78
Воронежская	2 531,3	3 607,1	1 075,8	42,5	215,5	1,97
По району . .	12 841,8	17 025,3	4 183,5	32,6	849,1	—
Самарская	2 751,3	3 869,8	1 118,0	40,6	114,3	1,89
Уфимская	2 196,6	3 253,6	1 057,0	48,1	6,7	1,98
Оренбургская	1 600,0	2 362,7	762,7	47,7	63,0	2,12
По району . .	6 547,9	9 485,6	2 937,7	44,9	58,0	—
Херсонская	2 733,6	3 497,3	763,7	27,9	171,0	1,96
Таврическая	1 447,8	2 069,7	621,9	43,0	131,7	2,05
Екатеринославская	2 113,7	3 540,4	1 426,7	67,5	223,7	2,54
Область войска Донского	2 564,2	3 823,5	1 259,3	49,1	55,4	2,06
По району . .	8 859,3	12 930,9	4 071,6	45,9	581,8	—
Кубанская	1 918,9	2 988,9	1 080,0	56,3	13,9	2,32
Черноморская	57,5	165,6	108,1	188,0	0,5	1,65
Ставропольская	873,3	1 263,5	390,2	44,7	36,2	2,18
Терская	933,9	1 409,4	475,5	50,9	2,9	1,42
По району . .	3 783,6	5 837,4	2 053,8	54,3	53,5	—

Примечание. По Самарской и Уфимской губерниям показано превышение числа переселенцев из этих губерний над числом переселенцев в эти губернии. По Оренбургской — превышение числа переселенцев в эту губернию над числом переселенцев из нее.

⁶³ Изменения были в Царстве Польском, где была создана новая Холмская губерния. Но эта территория не входит в мой обзор.

Сопоставление роста населения по центральным и окраинным районам показывает, что и в данном периоде население юга и востока росло значительно быстрее, чем население центра. Но разница в этом отношении между окраинами и центром стала заметно меньше по сравнению с предыдущим периодом.

Приток населения в Новороссию, Заволжье и Южное Предуралье в этом периоде сильно уменьшился. Из этих районов уже пошло значительное количество переселенцев за Урал. Попробуем приблизительно определить источники роста населения юга и востока.

По Новороссии естественный прирост того населения, которое в ней проживало в 1897 г., дал бы при отсутствии миграций к 1916 г. увеличение первоначального населения на 4140,7 тыс. человек⁶⁴, т. е. больше фактического увеличения (см. табл. 11).

Но переселение за Урал уменьшило количество жителей края на большую величину, чем зарегистрированное число переселенцев, так как потомство этих переселенцев, родившееся на новых местах жительства отцов, при отсутствии миграции увеличилось бы собою численность населения края. Размеры необходимой поправки невозможно определить точно, но приблизительно прикинуть можно, исходя из норм естественного прироста и распределения переселенцев по годам выхода. В округленных цифрах убыль от переселения составила около 700 тыс. человек. Вычитая эту цифру из той цифры, на которую увеличилось бы количество жителей края при отсутствии миграции, получим ту часть естественного прироста, которая в нем осталась. Она равна 3440,7 тыс. человек. Но фактическое увеличение населения составило 4071,6 тыс. человек. Очевидно, 630,9 тыс. человек прибыло в край из других районов страны для работы на шахтах, на заводах, на железных дорогах, в разного рода городских промыслах, а частично и для работы в сельском хозяйстве. Хорошо известно, что приток населения в Новороссию из лесостепной Украины и из центральных черноземных губерний действительно имел место в этот период. Отнюдь не настаивая на точности своего расчета, я все же считаю, что он наглядно показывает основной источник роста населения Новороссии в эпоху империализма. Этим источником бы естественный прирост населения края. Приток населения со стороны (630,9 тыс.) не покрывал полностью даже убыли от переселения за Урал (около 700 тыс.).

Произведя аналогичным способом подсчеты для других двух районов, получим такие результаты.

В Заволжье и Южном Предуралье естественный прирост при отсутствии миграций дал бы увеличение населения на 2897 тыс. человек. Убыль от переселения составила около 70 тыс. Фактическое увеличение (см. табл. 11) оказалось равным 2937,7 тыс. Очевидно, 110,7 тыс. человек переселились в край из других районов страны, кроме тех переселенцев, которые были зарегистрированы переселенческой статистикой (см. приложение к табл. 11).

Определяющая роль естественного прироста для увеличения населения края в изучаемом периоде в свете этих цифр не подлежит сомнению.

Для Предкавказья к 1916 г. естественный прирост того населения, которое было учтено переписью 1897 г., составил 1677 тыс., убыль от переселения за Урал — 65 тыс., фактическое увеличение — 2053,8 тыс. человек. Очевидно, 441,8 тыс. человек прибыло в край из других районов (включая сюда и тех детей прибывших, которые родились уже в Предкавказье).

Интересно сопоставить эти цифры с данными по предыдущему периоду. Это сопоставление показывает, что в отличие от пореформенной эпохи, когда население Предкавказья росло главным образом вследствие интенсивной иммиграции в 1897—1916 гг., приток переселенцев ослабел и абсолютно и относительно и основная роль в росте населения края стала принадлежать естественному приросту, который дал в 1897—1916 гг. свыше трех четвертей общего увеличения количества жителей Предкавказья. Исключением была лишь Черноморская губерния, где основным источником увеличения населения была иммиграция⁶⁵.

Районом России, где в XX в. переселение было основным фактором роста населения, была Сибирь. Изучение роста населения Сибири лежит за рамками настоящей статьи⁶⁶.

* * *

Сопоставление данных о порайонной динамике населения Европейской России показывает, что в каждом из рассматриваемых периодов население увеличилось во

⁶⁴ Так как во время войны естественный прирост населения падал, то из осторожности я вычислял естественный прирост не за 19½ лет (с января 1897 по июль 1916 г.), а за 18½ лет. Таким образом, естественный прирост возможно был несколько больше полученных мною величин.

⁶⁵ Вследствие выселения черкесов в 60-х годах XIX в. эта территория стала объектом заселения, которое в XIX в. шло медленно, а в XX в. ускорилось.

⁶⁶ Рост населения Сибири следует изучать по уездам, так как сибирские губернии включают весьма различные в природном и социальном отношении территории. Это самостоятельная тема, которую автор надеется рассмотреть в отдельном исследовании. Включение ее в данную статью чрезмерно осложнило бы изложение. Заселению Сибири в советской литературе посвящена специальная монография В. В. Покшишевского «Заселение Сибири» (Иркутск, 1951).

всех районах. Но это увеличение было весьма различным. В XVIII в. максимальное увеличение населения, имевшее место в колонизирующихся районах, превосходило минимальное, свойственное нечерноземному центру, менее чем в три раза. В первой половине XIX в. контраст увеличился. В это время в белорусско-литовских губерниях, где рост населения был минимальным (на 17,8% в 1796—1851 гг.), его увеличение в 1796—1851 гг. было в девять раз меньше (в 1796—1863 гг.— в семь раз), чем в районе максимального увеличения — в Нижнем Поволжье и Южном Предуралье (на 166,3% в 1796—1851 гг.). В пореформенную эпоху это различие несколько сгладилось. В 1867—1897 гг. увеличение количества жителей промышленного центра, района, где в это время рост населения был наименьшим (рост на 23,9%), было лишь в четыре раза меньше, чем в Новороссии (рост на 96,3%), где рост населения был наибольшим в Европейской России⁶⁷.

В XX в. неравномерность роста населения в различных районах Европейской России резко уменьшилась. В 1897—1916 гг. увеличение населения в Новороссии было лишь в полтора раза (рост на 45,9%) больше, чем в Центральном промышленном районе (на 31,6%). Указанное уменьшение различий в порайонной динамике населения хорошо видно при сопоставлении темпов роста по районам.

ТАБЛИЦА 12

Название района	Среднегодовой рост населения в %	
	1867—1897 гг.	1897—1916 гг.
Центрально-промышленный	0,74	1,50
Центрально-черноземный	0,81	1,58
Заволжье и Южное Предуралье	1,63	2,02
Новороссия	2,40	2,07
Предкавказье	3,52	2,37

Нетрудно заметить, что сближение темпов роста произошло прежде всего вследствие их подъема как в Центральном-промышленном, так и в Центральном-черноземном районе.

Население Европейской России в целом в 1897—1916 гг. росло несколько быстрее, чем в 1867—1897 гг.⁶⁸. Так как сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. не производились на части территории Европейской России, я лишен возможности вычислить темп роста населения в период 1897—1916 гг. Приходится вместо сопоставления темпов фактического роста населения сопоставлять очень близкие к ним величины естественного прироста. В 1867—1897 гг. этот прирост составлял 1,39%, а в 1897—1916 гг. 1,68%. Фактический рост был чуть меньше, так как из Европейской России некоторая часть населения уходила в Азиатскую Россию, а из западных губерний имела место эмиграция за океан. Фактический рост за 1867—1897 гг., как это уже было указано выше (см. табл. 5), составлял 1,31%.

В дореформенную эпоху, когда межрайонные различия в темпах роста населения были максимальными, районы Европейской России по степени увеличения населения распадалась на три группы (см. табл. 4). Наименьшим был рост населения в тех районах, где население сосредоточилось с древнейших времен, т. е. на старой территории Русского государства (до завоеваний Ивана IV)—в Белоруссии, в Литве, в Прибалтике, в Правобережной и Левобережной Украине. Значительно больше возрос-

⁶⁷ В Предкавказье, по которому я не располагаю цифрами для дореформенного периода, в 1867—1897 гг. численность населения увеличилась на 172,4%.

⁶⁸ Естественное движение населения Европейской России в 1867—1914 гг. характеризуется такими цифрами:

Восьмилетия	На 100 жителей в год		
	рождаемость	смертность	естественный прирост
1867—1874	5,05	3,76	1,29
1875—1882	5,00	3,59	1,31
1883—1890	5,04	3,50	1,54
1891—1898	4,92	3,49	1,43
1899—1906	4,81	3,09	1,72
1907—1914	4,47	2,82	1,65

Таблица составлена по сводке, помещенной в книге П. И. Куркина «Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы» (М., 1938, стр. 84). Эти цифры показывают, что свойственное эпохе империализма снижение естественного прироста населения в России началось только перед первой мировой войной и было еще очень невелико.

ло население там, где колонизация широко развернулась в XVI—XVII в. и в XVIII в. в основных чертах уже закончилась, т. е. в черноземном центре, в Среднем Поволжье и на территории Вятской и Пермской губерний, где первые шаги русской колонизации относятся к еще более раннему времени. В этих двух губерниях рост населения был особенно значителен.

Наибольшим увеличением численности населения отличались окраинные районы — Новороссиа, Нижнее Поволжье и Южное Предуралье, колонизация которых еще продолжалась не только в первой половине XIX в., но и позднее.

В пореформенную эпоху указанные территориальные различия в порайонной динамике населения сохранились не полностью. Население белорусско-литовских губерний, которое при крепостном праве увеличивалось наиболее медленно, в пореформенную эпоху, наоборот, росло почти так же быстро, как и население Заволжья и Южного Предуралья. Количество жителей Правобережной Украины в противоположность дореформенному времени также сильно возросло. Различие в росте населения между нечерноземными губерниями и районами, колонизация которых развернулась в XVI—XVII вв., в свою очередь резко уменьшилось.

В 1897—1916 г. окраинные районы—Новороссиа, Заволжье, Южное Предуралье—продолжали отличаться повышенным ростом населения, но различие между нечерноземными губерниями и районами колонизации XVI—XVII вв. почти исчезло.

В половине XVI в. в черноземной полосе почти не было русского населения. Украинский народ тогда лишь частично использовал почвенно-климатические ресурсы этой полосы. Население других национальностей, жившее в черноземной полосе, было очень малочисленно. Основная часть населения той территории, которая входила в XIX в. в состав Европейской России, была сосредоточена в первой половине XVI в. в нечерноземной полосе. По данным же пятой ревизии из общей численности населения Европейской России⁶⁹ в 17206,0 тыс. душ мужского пола в нечерноземных губерниях жило 8239,4 тыс., а в черноземных — 8966,6 тыс., т. е. уже немного более половины (52,11%). Фактически в полосе чернозема жило не более половины населения, так как в северных частях Вольнской, Киевской, Черниговской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и в западной части Орловской губерний, где были нечерноземные почвы, жило больше жителей, чем в черноземных частях Нижегородской, Вятской и Пермской губерний. Это показывает огромные успехи в освоении чернозема, достигнутые к концу XVIII в. В 1851 г., по данным девятой ревизии, из 25316 тыс. душ мужского пола, проживавших на той же территории, в черноземных губерниях числилось 14446,2 тыс. душ, т. е. 57,06%. В 1863 г. в черноземных губерниях по исчислению Центрального статистического комитета жило 16775,9 тыс. душ мужского пола, из 29401,2 тыс. т. е. 57,32%. В пореформенную эпоху удельный вес населения черноземной полосы Европейской России продолжал расти. По переписи 1897 г.⁷⁰ на долю черноземных губерний приходилось 58,2%. В 1913 г. их доля может быть оценена в 62,7%⁷¹.

Таким образом, увеличение доли черноземной полосы в населении Европейской России продолжалось непрерывно в XIX и в начале XX в., но основной шаг в ее освоении был сделан раньше.

Основной причиной различий в увеличении численности населения районов был различный уровень естественного прироста населения. В колонизирующихся районах этот прирост был наиболее высоким. Иммиграция в этих районах была вторым по своей эффективности фактором роста населения. Благодаря сочетанию этих двух факторов количество жителей в названных районах увеличивалось особенно быстро. Лишь в некоторых районах иммиграция была основной причиной роста населения. В XVIII в. такими районами были юго-восточная часть будущего Черноземного центра, бывшая тогда еще окраинной территорией, Нижнее Поволжье, Заволжье и Южное Предуралье. В дореформенный период такими местностями были материковая часть Таврической губернии, заволжская часть Саратовской губернии, вошедшая в состав организованной по указу 1850 г. Самарской губернии и не вошедшая в мой обзор южная часть Бессарабии и, вероятно, Предкавказье. В пореформенную эпоху иммиграция была основной причиной роста населения Предкавказья, а в Европейской России таких районов уже не было. В XX в. и в Предкавказье, за исключением одной лишь Черноморской губернии, естественный прирост стал основной причиной увеличения населения.

Таким образом, иммиграция играла роль основной причины роста населения преимущественно на начальной стадии колонизации. Но были, конечно, в России и такие территории, где иммиграция на сравнительно поздней стадии заселения получила большое значение, чем она имела ранее. Так, в увеличении населения Сибири в первой половине XIX в. иммиграция играла неизмеримо меньшую роль, чем в конце XIX — начале XX в.

Как известно, естественный прирост населения определяется соотношением рождаемости и смертности. В условиях России XIX в. при резком преобладании крестьянского сельскохозяйственного населения различия в уровне рождаемости между большинством губерний были невелики и тем самым уровень естественного прироста опреде-

⁶⁹ Без Астраханской губернии и без Бессарабии. Последняя тогда не входила в состав России.

⁷⁰ Так же без Астраханской и Бессарабской губерний.

⁷¹ Не утверждаю этого категорически, так как не исследовал в достаточной мере данный вопрос.

лялся в основном уровнем смертности. В подтверждение этому можно привести такую таблицу (табл. 13).

Уровень рождаемости в перечисленных в таблице районах одинаков. Разница выражается лишь в сотых долях процента. Но уровень смертности различен и вследствие этого получается значительное различие в уровне естественного прироста.

ТАБЛИЦА 13

Название района	На 100 жителей в среднем в 1870—1894 гг. ⁷³		
	рождаемость	смертность	естественный прирост
Новороссия	5,08	3,13	1,95
Правобережная Украина	5,01	3,38	1,63
Центрально-черноземный	5,03	3,74	1,29
Среднее Поволжье	5,00	3,92	1,23

Восточные губернии Европейской России отличались наиболее высоким уровнем рождаемости. Но вследствие очень значительной смертности естественный прирост в них не только не был наиболее высоким в России, но в некоторых из них оказывался ниже среднего по стране.

ТАБЛИЦА 14

Название губернии	На 100 жителей в среднем в 1870—1894 гг.		
	рождаемость	смертность	естественный прирост
Оренбургская	5,90	4,20	1,70
Самарская	5,68	4,12	1,56
Пермская	5,56	4,38	1,18
Вятская	5,25	3,94	1,31

Но все же вследствие исключительно высокого уровня рождаемости в Оренбургской и Самарской губерниях естественный прирост оказывался очень значительным.

Но если в основном различия в уровне естественного прироста определялись уровнем смертности, то все же нельзя игнорировать и различий в уровне рождаемости. Иным, чем в большинстве губерний уровнем рождаемости характеризовались преимущественно две группы губерний. С одной стороны, восточные губернии, где повышенной рождаемости соответствовала повышенная смертность, с другой стороны, прибалтийские, столичные и некоторые другие губернии, где уровень рождаемости был низким по сравнению с большинством губерний Европейской России. В Прибалтике рождаемость была самой низкой в Европейской России и, несмотря на самую низкую смертность, естественный прирост был невысоким (см. табл. 6). В столицах пониженная рождаемость сочеталась с довольно высокой смертностью, что резко снижало естественный прирост населения в столичных губерниях.

В Прибалтике пониженная рождаемость⁷³ была обусловлена развитием хуторского мелкокапиталистического хозяйства в земледелии, при котором крестьянство начинает принимать меры к регулированию рождаемости. В городах, в особенности в столицах, рождаемость была пониженной, а смертность значительной еще до реформы 1861 г., но удельный вес Москвы и Петербурга в населении столичных губерний был тогда гораздо меньше, чем в пореформенную эпоху, когда население обеих столиц стало чрезвычайно быстро расти.

Таким образом, пониженная рождаемость как фактор снижения естественного прироста населения была новым явлением в России, порожденным особенностями капиталистического развития некоторых районов. Значительного влияния это явление еще не имело, и утверждения об определяющей роли уровня смертности в географии естественного прироста населения оно не колеблет. Отмеченная выше, на стр. 218, тен-

⁷² Погубернские данные о рождаемости и смертности взяты из статьи В. И. Покровского «Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения» в сборнике «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» под ред. А. И. Чупрова и А. С. Посникова, т. II, СПб., 1897. Порайонные средние (невзвешенные) выведены мною. По сравнению со странами Западной Европы Россия отличалась высокой рождаемостью и высокой смертностью. В среднем за 1871—1895 гг. на 100 жителей рождаемость была: в Венгрии — 4,35, в Германии — 3,76, в Англии — 3,32, во Франции — 2,42.

⁷³ В меньшей степени это имело место и в Литве и начинало немного проявляться в Западной Белоруссии. Связь этого факта с капиталистическим развитием дворяно-участкового, а частично и хуторского хозяйства несомненна и в этих губерниях.

денция к некоторому снижению рождаемости в России в годы, предшествующие первой мировой войне, была выражена еще очень слабо и, следовательно, применительно к XX в. это утверждение, обоснованное на фактах второй половины XIX в., также является правильным. Имеется полное основание признать это верным и для первой половины XIX в., а также и применительно к более раннему времени. Все те стороны быта русского крестьянства второй половины XIX в., которые порождали отсутствие резких различий в географии рождаемости (ранние браки, полное отсутствие искусственного регулирования рождаемости, проживание подавляющей массы населения в деревнях и т. п.), проявлялись тогда еще резко.

Те данные о рождаемости в первой половине XIX в., которыми мы располагаем, также подтверждают это. Различия в уровне рождаемости между отдельными губерниями, несмотря на весьма большие различия в росте населения, оказываются сравнительно небольшими, например, в 1844—1860 гг. в большинстве губерний рождаемость была или несколько больше или несколько меньше 5%, в то время как рост населения был различным⁷⁴.

Таким образом, основной причиной различий в уровне естественного прироста на протяжении XIX и начала XX в. были различия в уровне смертности. Для XVIII в. мы совсем не располагаем материалами по статистике естественного движения населения. Но весьма вероятно, что это наблюдение верно и применительно к XVIII в.

Чем же определялись географические различия в уровне смертности в дореформенной и пореформенной России?

Демографами давно уже выяснено, что уровень смертности при одинаковом уровне рождаемости обусловлен в основном двумя тесно между собою связанными социальными причинами. Первой из них является уровень народного благосостояния. Чем население беднее, тем смертность выше. Второй — общие санитарные условия жизни народных масс. Холера и другие эпидемические болезни в неблагоприятных санитарных условиях уносили сотни тысяч жизней. Антисанитарная бытовая обстановка, невежество населения в самых элементарных вопросах гигиены повышали общую и в особенности детскую смертность.

Связь между уровнем материального благосостояния крестьянства и уровнем смертности хорошо показывают данные по Воронежской губернии, собранные в 1898—1902 гг.

ТАБЛИЦА 15

*Движение населения в семьях разного достатка*⁷⁵

Семьи	На 100 душ жителей		
	рождаемость	смертность	естественный прирост
Бедные	4,89	4,55	0,34
Среднего достатка	4,77	4,00	0,77
Зажиточные	4,94	3,85	1,08

При почти одинаковом уровне рождаемости различия в уровне смертности, а тем самым и в уровне естественного прироста воронежского крестьянства на рубеже XIX и XX вв., определялись различиями в степени его материального благосостояния⁷⁶. То же самое было и в других губерниях.

Для пореформенного крестьянства степень материального благосостояния определялась прежде всего количеством и качеством земельного обеспечения, а также тяжестью платежей, связанных с обладанием этим земельным обеспечением.

Связь между естественным приростом крестьянского населения и его земельным обеспечением хорошо видна из материалов, опубликованных еще в 80-х годах известным географом и статистиком того времени П. П. Семеновым-Тянь-Шанским во вводимых статьях к отдельным выпускам изданной Центральным статистическим комитетом под его редакцией «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России». Во вводной статье к первому выпуску этого издания (СПб., 1880) он приводит цифры роста сельского крестьянского населения по губерниям Черноземного центра с 1858 по 1878 г. Число душ крестьянского населения в 1878 г. оказалось по сравнению с числом ревизских душ 1858 г. тем выше, чем выше было земельное обеспечение крестьянства (см. табл. 16).

⁷⁴ Можно, следовательно, сказать, что уровень рождаемости в дореволюционной России определялся преимущественно биологическими, а уровень смертности преимущественно социальными факторами.

⁷⁵ Таблица заимствована из книги П. И. Куркина «Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы», стр. 56.

⁷⁶ В городском населении, а в Западной Европе в ряде стран и в деревне, со второй половины XIX в. в богатых семьях рождаемость была ниже, чем в бедных. См. П. И. Куркин. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы, стр. 57—58.

Надел на ревизскую душу, полученный при ликвидации крепостного права	Прирост крестьянского населения за 1858—1878 гг. (в %)	Надел на ревизскую душу, полученный при ликвидации крепостного права	Прирост крестьянского населения за 1858—1878 гг. (в %)
1 десятин и менее	16,6	Более 3 до 4 десятин	21,2
Более 1 до 2 десятин включительно	17,3	» 4 до 5 »	25,4
Более 2 до 3 десятин	19,0	» 5 до 6 »	27,6
		Свыше 6 десятин	30,3

Аналогичные данные он приводит и по некоторым другим районам (см. вып. IV и V). Он констатирует также⁷⁷ значительно большее увеличение за 1858—1878 гг. крестьянского населения в Белоруссии, где условия ликвидации крепостного права были более благоприятными, чем в соседней с нею Смоленской губернии, в которой эти условия были гораздо более тяжелыми. Выше уже были (см. табл. 6) приведены высокие цифры естественного прироста населения по губерниям Белоруссии за 1868—1896 гг. К этому можно прибавить, что до 1861 г. Белоруссия отличалась весьма низким приростом населения.

Конечно, уровень материального благосостояния пореформенного крестьянства определялся не только размерами и качеством землепользования⁷⁸ и связанными с этим платежами. Такие явления как распространение отработочной и капиталистической системы ведения помещичьего хозяйства также не могли не отражаться на благосостоянии крестьянского населения.

На уровне жизни крестьянства отражались, конечно, и всякого рода вземземе-дельческие промыслы. Но следует иметь в виду, что работа в промышленности, в особенности в кустарных промыслах, обычно происходила в крайне антисанитарной обстановке, повышавшей смертность работающих. Отхожие промыслы влекли за собой некоторое снижение рождаемости благодаря длительным отлучкам мужчин из деревни.

Для географии смертности в дореформенной России большое значение имела география крепостного права. Государственным крестьянам жилось лучше, чем крепостным. Чем выше в какой-либо местности был процент крепостных, тем больше в ней было крестьян с пониженным уровнем жизни и, следовательно, с повышенной смертностью.

В дореформенном периоде эпидемий и неурожаев было больше, чем в эпоху капитализма, и последствия их были более опустошительными.

В свете изложенных фактов можно сделать попытку объяснить в общих чертах порайонную (и частично погубернскую) динамику численности населения, описанную выше.

В дореформенном периоде низкий естественный прирост населения в старозаселенной части нечерноземной полосы был следствием совокупного действия нескольких причин. Во-первых, большая часть населения находилась здесь в крепостной зависимости. Во-вторых, природные условия для земледелия были мало благоприятными и земельный простор отсутствовал. В Центрально-промышленном районе вземземе-дельческие промыслы населения проходили в чрезвычайно антисанитарной обстановке, при чрезвычайно продолжительном рабочем дне. Особенно медленный рост населения Ярославской и Костромской губернии был связан, кроме того, с большим развитием отхожих промыслов, отрывавших мужчин от семьи и тем снижавших рождаемость. В Белоруссии не только был высок процент крепостного населения, но и государственные деревни сдавались в аренду помещикам, которые держали их на барщине⁷⁹. Крепостной гнет, следовательно, охватывал здесь все население. Кроме того, в Белоруссии в первой половине XIX в. часты были неурожаи⁸⁰. Все это снижало уровень жизни населения.

К югу и востоку от старинного центра Русского государства процент крепостных чем дальше, тем больше снижался (см. табл. 4), а почвы были лучше и земельного простора, за исключением некоторых губерний Черноземного центра и лесостепной Украины, было больше. Промышленные занятия с их антисанитарной обстановкой здесь отсутствовали. Общий жизненный уровень населения был выше. Естественно, что смертность среди крестьянства не могла не быть в этих губерниях ниже. Значительные различия внутри районов между отдельными губерниями объясняются теми же причинами.

⁷⁷ Во вводной статье к вып. V.

⁷⁸ Я имею в виду в данном случае землепользование в том понимании этого термина, какое в него вкладывал В. И. Ленин, т. е. принимая во внимание не только надел, как это делал П. П. Семенов Тянь-Шанский, но всю совокупность земли в пользовании крестьян.

⁷⁹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946.

⁸⁰ См. И. И. Вильсон. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России, изд. 4, СПб., 1869, стр. 103. Вильсон приводит фактический материал, показывающий обусловленность частых неурожаев, помимо географических, также и социальными условиями дореформенной Белоруссии.

Например, причину значительно большего роста населения в Тамбовской губернии, по сравнению с Тульской, надо искать в гораздо меньшем проценте крепостных и большем земельном просторе в первой из названных губерний. Интересно отметить весьма значительный рост населения в северо-восточных губерниях — Вятской и Пермской. В этих губерниях преобладали нечерноземные почвы, но зато и процент крепостных (в особенности в Вятской губернии) был невысок. В колонизирующихся южных и восточных окраинах процент крепостных был ниже, чем в большинстве районов, ранее заселенных, а земельный простор был максимальным в стране, и при этом почвенно-климатические условия были в основном хорошими. При таком благоприятном сочетании социальных и природных условий в этих районах был сильно повышенный естественный прирост населения, который соединялся с иммиграцией сюда из ранее освоенных соседних территорий. Поэтому рост населения здесь был максимальным в дореформенной Европейской России. В эпоху капитализма южные и восточные окраины продолжали обладать лучшими, чем в центре страны условиями жизни для широких масс земледельческого населения. Земельная обеспеченность широких слоев крестьянства была здесь больше, заработная плата сельскохозяйственных рабочих выше, пережитков крепостничества в деревне меньше, чем в Центральной России. Все это создавало предпосылки для пониженной по сравнению с центром смертности и, следовательно, для повышенного естественного прироста населения. Вместе с тем эти окраины продолжали привлекать население из других районов страны и в первую очередь из районов центра.

Центрально-черноземный район страдал от малоземелья, от отработочной системы и других пережитков крепостничества в деревне, заработная плата здесь была низкой. Естественно, смертность здесь была выше и естественный прирост ниже, чем на окраинах. Кроме того, сильная эмиграция еще снижала здесь рост населения.

В сходных условиях находилось среднее Поволжье — примерно такая же там была динамика численности населения.

В Правобережной Украине отмена крепостного права была произведена на лучших для крестьян условиях, чем в других районах черноземной полосы. В пореформенную эпоху помещики вели здесь капиталистическое хозяйство и пережитков крепостничества было меньше, чем не только в Черноземном центре, но и в Левобережной Украине. Климатические условия были особенно благоприятными, агротехника была более высокой. Все это создавало благоприятные предпосылки для сравнительно высокого естественного прироста населения. Эмиграция была отсюда невелика. Численность населения росла быстро.

В Нечерноземной полосе высоким естественным приростом населения выделялась Белоруссия, где, как на Правобережной Украине, условия ликвидации крепостного права были лучше, чем в большинстве местностей России, а пережитки крепостничества относительно меньше.

В Нечерноземном центре и в Северо-западном районе пережитки крепостничества в деревне были довольно значительными, природные условия для земледелия много хуже, чем в черноземной полосе, обеспеченность крестьянства сельскохозяйственной площадью была неудовлетворительной. Население усиленно занималось здесь внеземледельческими промыслами всякого рода, в том числе и отхожими. Отхожие промыслы отрывали мужчин от семей (Ярославская губерния продолжала отличаться очень низким естественным приростом населения). Работа в промышленности, как и раньше, происходила в тяжелой санитарной обстановке. И поэтому, несмотря на то что заработная плата здесь была выше, чем в Центральном черноземном районе, из северной части которого сюда устремлялось в поисках заработка много рабочей силы, естественный прирост здесь был ниже, чем в губерниях Черноземного центра. Население продолжало здесь расти медленно, за исключением лишь столичных губерний, население которых увеличивалось быстро вследствие бурного роста Москвы и Петербурга.

Подводя итоги, можно утверждать, что не только в XIX — начале XX в., но, вероятно, и в предшествующее время и притом не только в XVIII в., но и раньше, колонизирующиеся районы в огромном большинстве случаев обладали вообще лучшими по сравнению со старыми давно заселенными территориями условиями жизни народных масс. В противном случае туда не было бы длительного притока населения. В силу этого колонизирующиеся районы обычно (но, конечно, не всегда) имели повышенный естественный прирост населения. Таким образом, в колонизирующихся районах число жителей росло как вследствие притока туда переселенцев, так и в силу повышенного естественного прироста населения. Этот последний фактор не следует недооценивать. Как много он может сделать в течение длительного времени, показывает пример увеличения французского населения в Канаде. Когда в 1763 г. Франция была вынуждена уступить Англии Канаду, там было не более 80 тыс. французов. После перехода Канады под власть Англии французская иммиграция туда прекратилась. Однако по переписи 1951 г. число канадцев французского происхождения составляло 4319 тыс. человек⁸¹, из них 4069 тыс. показали родным языком французский.

Но, конечно, не следует придавать указанной эмпирической закономерности универсальный характер. Она проявляется главным образом тогда, когда колонизация имела сельскохозяйственный крестьянский характер, тогда, когда население не знало никаких средств регулирования рождаемости и т. п.

⁸¹ «The Canada Yearbook» на 1954 г., стр. 135.

В освоении населением нашей страны своей территории эта закономерность, несомненно, сыграла в историческом прошлом значительную роль.

Еще буржуазные историки констатировали, что население России росло в XVIII—XIX вв. быстрее, чем население Западной Европы. Составляя в первой четверти XVIII в. около одной десятой общего количества жителей всей Европы, население России накануне первой мировой войны составляло уже более трети всего населения Европы (включая в последнюю всю Россию вместе с ее азиатской частью), т. е. удельный вес России в населении Европы увеличился несколько более, чем втрое. Этот, несомненно, очень важный для могущества страны факт был вызван двумя причинами. С одной стороны, население России в XVIII—XIX вв. увеличилось благодаря присоединению целого ряда территорий (Прибалтики, Белоруссии, Правобережной Украины, Бессарабии, части Польши, Кавказа, Казахстана, Средней Азии и т. д.). с весьма значительным населением. С другой стороны, естественный прирост населения в России был выше, чем в Западной Европе. Чтобы измерить роль последнего фактора, надо проследить динамику численности населения России на неизменной территории параллельно с динамикой численности населения Европы. Такого рода исчисление произведено Б. Ц. Урланисом⁸². Б. Ц. Урланис исчисляет динамику населения стран Европы в границах, какие эти страны имели в 1914 г. Он учитывает только население Европейской России, включая польские губернии, и не принимает во внимание население ее азиатской части.

При исчислении населения той части Европейской России, которая не входила в XVIII и в начале XIX в. в состав Российской империи, Б. Ц. Урланису приходится пользоваться весьма приблизительными данными. Там, где он может опереться на данные ревизий, его цифры являются гораздо более точными. Поэтому его исчисление является для XVIII в. гораздо более приблизительным, чем для XIX в. Но все же это исчисление весьма показательно. Я заимствую из его большой таблицы⁸³ данные по Европе в целом, по Европейской России, по Германии и Франции⁸⁴ за 1725—1910 гг.

ТАБЛИЦА 17

Страны	Население в млн. человек обоего пола				
	1725 г.	1800 г.	1860 г.	1900 г.	1910 г.
Европа в целом	124,9	186,8	283,5	398,8	441,3
В том числе:					
Европейская Россия	20,0	30,0	66,7	111,2	127,3
К населению Европы в %	16	21	24	28	29
Германия	15,7	24,3	37,7	56,4	64,9
Франция	20,4	27,3	35,7	38,9	39,5

При сопоставлении динамики численности населения Европы в целом и ее части, Европейской России, следует учитывать, что эта динамика определялась не одним лишь естественным приростом, но и миграционными процессами. Из стран Западной Европы существовала эмиграция за океан, которая с середины XIX в. стала резко возрастать. Вместе с тем в капиталистический период из Европейской России весьма значительные массы переселенцев направлялись в Азиатскую Россию (включая Предкавказье). Кроме того, из западных губерний России существовала во второй половине XIX в., а в особенности в начале XX в., непрерывно возрастающая эмиграция за океан. Эмигрировали преимущественно евреи, поляки и литовцы, но в небольшом количестве также и украинцы Правобережья, белорусы (из Западной Белоруссии), латыши и др.

Трудно точно подсчитать, какую долю естественного прироста уносила эмиграция. По приблизительному подсчету, в Западной Европе с 1841 по 1910 г. эмиграция поглотила около 17% естественного прироста населения⁸⁵. Переселение в Азиатскую Россию и эмиграция за океан с 1860 по 1910 г. по-видимому, поглотили несколько меньшую часть естественного прироста населения Европейской России — примерно процентов 12—14⁸⁶. Таким образом, в Западной Европе эмиграция снижала рост населения в

⁸² Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе (опыт исчисления), М., 1941.

⁸³ Стр. 414—415 книги. Проценты вычислены мною.

⁸⁴ Данные по этим двум странам, из которых Франция характеризовалась незначительным естественным приростом населения и незначительной эмиграцией, а Германия — меньшим, чем Россия, но все же значительным естественным приростом населения и в течение ряда десятилетий XIX в. большими размерами эмиграции, наглядно показывают, как различия в уровне естественного прироста меняют соотношение между численностью населения стран. С 1725 по 1910 г. удельный вес Германии в населении Европы увеличился с 13% до 15%, а Франции упал с 16% до 9%.

⁸⁵ Вычислено на основании данных Б. Ц. Урланиса (стр. 246 и 293).

⁸⁶ Приблизительное исчисление на основании данных о превышении числа рождений над числом смертей, о переселенческом движении за Урал, о колонизационном движении в Предкавказье и об эмиграции из России за океан.

несколько большей степени, чем в Европейской России. Но разница сравнительно невелика и ее наличие все же позволяет утверждать, что почти удвоение удельного веса Европейской России в населении Европы создано более высоким, чем в Западной Европе, естественным приростом населения.

Как уже было выяснено выше, уровень естественного прироста был различным в различных районах России. Поэтому представляет интерес исчисление того, как менялся удельный вес в населении Европы не только всей России, но и ее старозаселенной части, т. е. Нечерноземного центра, Севера, Северо-запада, Прибалтики, Литвы и Белоруссии, вместе взятых⁸⁷. Я располагаю цифрами численности населения этой территории на 1796—1897 гг., т. е. на даты, очень близкие, почти совпадающие с теми, какие взяты Б. Ц. Урланисом в его таблице. С 1796 по 1897 гг. население указанной части Европейской России возросло с 14,8 млн. душ обоого пола⁸⁸ до 31,3 млн., т. е. на 111% за 101 год. Население Европы с 1800 по 1900 г. увеличилось на 113% за 100 лет. Уход населения в другие районы России из указанной территории был невелик в XIX в. За первую половину века его нельзя выразить в цифрах. Но за вторую половину XIX в. данные имеются. По переписи 1897 г. (см. табл. 6) эта территория имела очень небольшой отрицательный баланс миграций всего в 149,2 тыс. человек при населении в 31 318,8 тыс. Это показывает, что в эпоху капитализма естественный прирост населения данной территории почти полностью оставался в ее пределах. Аналогичное положение было и в первой половине XIX в., судя по тем сведениям описательного характера, которые имеются в источниках.

Таким образом, тот высокий естественный прирост населения, благодаря которому систематически возрастал удельный вес России в населении Европы, имел место не на рассматриваемой территории, а на обширных пространствах к югу и востоку от нее. Эти пространства были объектом колонизации в XVIII в. и значительная часть их еще продолжала заселяться и в XIX в. Отсюда вытекает, что непрерывный процесс колонизации, который является характерной чертой нашей истории, в течение ряда столетий, в том числе и в XVIII—XX вв. имел очень большое значение для повышения удельного веса населения России в населении Европы. В районах давнего заселения высокий уровень смертности резко снижал результаты характерного для дореволюционной России высокого уровня рождаемости. В колонизирующихся районах это снижение проявлялось в значительно меньшей мере.

---

⁸⁷ Следовало бы сюда включить и часть Украины. Но это трудно сделать, так как в составе Левобережья и Правобережья затруднительно выделить население колонизирующихся местностей.

⁸⁸ Эта цифра получена путем удвоения числа душ мужского населения по данным пятой ревизии (исходя из допущения, что число женщин было очень близко к численности мужчин) и добавления цифры населения Белостокской области, присоединенной к России в 1807 г.

